

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
(СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа на тему:

**Японская антивоенная литература
первой половины XX века**

по направлению подготовки «Востоковедение и
Африканистика» (410303)

образовательная программа бакалавриата «Японская
филология»

Выполнил

Студент 4 курса

отделения «японская филология»

Волков Николай Николаевич

Научный руководитель

к.ф.н., доц. Л.Ю. Хронопуло

Рецензент:

ст. преп. С.Х. Булацев

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Появление патриотической литературы в Японии.....	8
1.1 Патриотизм в японской литературе до эпохи Мэйдзи.....	8
1.2 Первая патриотическая литература в Японии.....	10
1.2.1 Тояма Тюдзан.....	10
1.2.2 Ёсано Тэккан.....	16
1.3. Японская патриотическая литература эпох Тайсё: и Сё:ва.....	23
Глава 2. Японская антивоенная и антимилитаристическая литература.....	27
2.1 Антивоенная литература времён Русско-японской войны.....	28
2.1.2 Ёсано Акико.....	29
2.1.3 Киносита Наоэ.....	30
2.1.4 Таяма Катай.....	31
2.2 Антивоенная литература времён японской интервенции в Сибири.....	32
2.2.1 Куросима Дэндзи.....	32
2.3 Антивоенные произведения времён Второй Мировой Войны.....	35
2.3.1 Хаяси Фумико.....	35
2.3.2 Нома Хироси.....	38
2.3.3 Оока Сёхэй.....	42
Глава 3. Японская литература о последствиях войны	46
3.1 Типы послевоенной литературы.....	47
3.2 Соно Аяко.....	49
3.3 Ариёси Савако.....	53

3.4 Оэ Кэндзабуро.....	57
Заключение.....	62
Список использованной литературы и источников.....	64
Приложение.....	68
Перевод повести Куросима Дэндзи «Сани».....	68
Оригинальный текст.....	88

Введение

Понятие «патриотизм» появилось в японской литературе достаточно поздно — в начале эпохи Мэйдзи (「明治時代」 - «Мэйдзи дзидай» - 1868-1912). До этого периода из-за островного положения у Японии было относительно мало контактов с другими странами, вследствие чего и конфликты, которые вызвали бы необходимость воспевать силу и отвагу своих солдат в борьбе с иноземными захватчиками, не возникали. Исключением являются, пожалуй, только попытки монгольских вторжений в Японию 1274 и 1281 годов соответственно, но никакого резонанса в литературе они не получили, так как быстро обернулись неудачей для монголов.

Однако в стране происходило большое количество внутренних конфликтов и междоусобных войн, сражений между враждующими кланами, например, война Тайра и Минамото (「源平合戦」 - «Гэмпэй гассэн» — 1180-1185), породивших большое количество литературы на военную тематику, которая прославляла доблесть определённых кланов. В основном, такая литература относилась к «гунки моногатари» (「軍記物語」) и поначалу распространялась в устной форме. Однако именно после «открытия» страны понятие «патриотизм» стало всё чаще и чаще появляться в японской литературе, что позже привело к возникновению течения нео-романтизма, крайне националистической поэзии и прозе, которые поддерживали японский милитаризм. Параллельно с этим развивалась абсолютно противоположная литература — антимилитаристическая. После поражения Японии во Второй Мировой войне появилось большое количество литературы, которая анализировала

последствия войны для страны и японского народа. Именно эти три течения будут рассмотрены в данной работе.

Объект исследования — японская патриотическая и антимилитаристическая литература, послевоенная литература о войне.

Предмет исследования — произведения японских писателей на военную тематику.

Несмотря на то, что патриотические произведения занимают не самое последнее место в японской литературе, причины, по которым такие произведения появились в Японии, не были изучены ни отечественными, ни иностранными японистами-литературоведами. Несмотря на это, многие учёные подробно описывали подобную литературу, к примеру, патриотическая поэзия Ёсано Тэкан весьма подробно изучена и описана А.А. Долиным, а военные дневники Хаяси Фумико были рассмотрены А.М. Сулейменовой.

Цели работы:

- Выявить причины, по которым понятие «патриотизм» появилось в японской литературе
- Провести анализ японской литературы на военную тематику
- Рассмотреть и проанализировать антимилитаристическую литературу
- Описать японскую литературу второй половины XX века на военную тематику

Для решения поставленных целей необходимо выполнить следующие задачи:

- Рассмотреть вопрос с исторической стороны
- Подробно описать биографию авторов, которые писали в рамках литературы о войне
- Рассмотреть произведения, являющиеся наиболее наиболее

важными для понимания всех трёх течений, которые будут проанализированы в данной работе

- Разобрать, какие исторические события вдохновляли писателей на создание того или иного произведения

Для выполнения поставленных задач использовался комплексный подход: анализ самих произведений и описание биографии авторов; изучение исторической составляющей, выявление событий и причин, которые так или иначе заставили авторов обратиться к воинственной или антимилитаристической тематике.

Методологическую и теоретическую базу составили работы таких отечественных учёных-литературоведов и социологов, как А.А. Долин, А.М. Сулейменова, Б.В. Пospelов. Из работ иностранных учёных были рассмотрены труды К.Курахара, С.Ицуру, Х.Танака. Материалом для анализа послужили художественные произведения Ёсано Тэкан, Тояма Тюдзан, Ёсано Акико, Таяма Катай, Куросима Дэндзи, Токутоми Сохо, Нома Хироси, Оока Сёхэй, Хаяси Фумико, Соно Аяко, Ариёси Савако, Оэ Кэндзабуро и других японских авторов.

Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, списка литературы и приложения.

В первой главе будет рассмотрено появление принципов «патриотизма» в японской поэзии и прозе, их развитие, изменение этой литературы под влиянием японского милитаризма, а также формирование нео-романтизма.

Вторая глава посвящена прямо противоположной литературе — антимилитаристической. Рассматриваются основные предпосылки к появлению антивоенной поэзии и прозы, исторические события, которые повлияли на писателей этого течения.

В третьей главе будет описана литература на военную тематику

послевоенного периода, которая анализировала последствия войны для Японии.

Также в качестве практической работы будет представлен перевод повести «Сани» японского писателя Куросима Дэндзи. До настоящего момента данная повесть ещё ни разу не была переведена на русский язык.

Глава 1

Появление патриотической литературы в Японии

1.1 Патриотизм в японской литературе до эпохи Мэйдзи

В японской литературе патриотические произведения возникли далеко не сразу. В основном, такая литература начала появляться в начале эпохи Мэйдзи. До этого такое понятие, как патриотизм, почти не встречалось в японской литературе. Что интересно, несмотря на то, что до закрытия всех контактов с остальным миром (кроме Голландии) в 1639 году Япония вступала в военные конфликты с другими странами, например, с Кореей (во время похода Тоётоми Хидэёси в 1592-1598 годах), и подвергалась нападениям со стороны других стран (монгольские нашествия 1274 и 1281 годов), какой-либо литературы, воспевающей японский героизм в сражениях с врагами, не было. Одни из первых олицетворений патриотизма появились в *«Гунки моногатари»* — однако в них воспевался не героизм японцев в сражении с иностранными врагами и не любовь к своей стране — а героизм воинов своего клана и любовь к своей семье. Кроме подчеркивания доблести своей семьи и её воинов, специально создавался отрицательный, чересчур стереотипный образ «врагов» своего клана. Например, образ клана Тайра и, в особенности, главы семьи, Тайра Киёмори в *«Хэйкэ Моногатари»* — жестокий тиран, узурпировавший власть. В конце он умер в 1181 году, и «вероломное» правление семьи Тайра начало подходить к концу. Образ клана Минамото, с другой стороны, был исключительно положительным.

Таким образом, в гунки патриотизм имел скорее «локальный»

характер: описывались доблесть, храбрость и отвага своего клана и вероломство, аморальность и грехи враждебных семей. При этом большая часть «гунки моногатари» поначалу были «заказными» произведениями, цель которых заключалась в прославлении своей семьи. Авторы писали по заказу, и их собственные патриотические настроения не учитывались.

Никакие произведения, кроме *«Гунки моногатари»*, не носили патриотический характер в то время. Более того, до начала эпохи Мэйдзи тема патриотизма вообще не затрагивалась в японской литературе. На это есть несколько причин:

1. Самосознание японцев. До начала Мэйдзи каждый японец характеризовал себя не как гражданина в масштабе страны, а как жителя своей деревни или города.
2. Малое количество контактов с другими странами. За исключением похода Тоётоми Хидэёси в Корею в 1592-1598 годах, Япония не вела боевых действий за границей. Контакт с другими странами тоже было мало: в 1639 году почти все связи с европейскими державами были обрублены. Таким образом, необходимости в подчёркивании силы своей нации в противовес другим странам не было.
3. Не было необходимости поддерживать и восхвалять воинов своей родины, воспевать их отвагу и доблесть. Вообще патриотическая литература, как правило, существует для того, чтобы показать свою любовь к своей родине, поддержать её идеалы, солдат, которые сражаются с врагом (в данном случае, под «врагом» подразумеваются именно другие нации). Соответственно, такая литература появляется, когда есть необходимость в подчёркивании силы своей страны. К примеру, оды М.В. Ломоносова, прославляющие силу

русского оружия. Также патриотическая литература часто настроена на то, чтобы призвать жителей страны защищать свою родину. В случае Японии, до эпохи Мэйдзи было всего два случая, когда стране угрожала опасность извне: монгольские нашествия 1274 и 1281 годов. Оба раза закончились разгромом монгольских войск, японцы понесли относительно малые потери. Поэтому явной необходимости призывать японцев к защите своей страны не было.

Итак, тема патриотизма в японской литературе в более «масштабном» плане стала появляться значительно позже, а именно в начале эпохи Мэйдзи. Именно тогда из-за «открытия» страны многие японцы начали осознавать себя как отдельную нацию в мире, а не как жителей отдельного города или деревни. Начались первые международные конфликты, Япония развернула активную внешнюю политику.

1.2 Первая патриотическая литература в Японии

1.2.1 Тояма Тюдзан

Впервые тема патриотизма возникла в японской поэзии. Многие японские поэты искали пути для реформирования и обновления уже устоявшегося жанра танка и хайку. Многие стремились изменить не только способы стихосложения, то есть количество слогов, стихотворные приёмы, но и саму тематику. Такой новой тематикой и стала тема доблести японской армии, сила японского духа в противостоянии другим нациям. Три профессора Токийского университета, Тояма Тюдзан, Ятабэ Сёкон и Иноуэ Сэнкэн в 1882 году выпустили сборник переводов западной поэзии и авторской экспериментальной поэзии «Собрание стихов нового стиля» (「新体詩書」 - «*Синтайсисё*»). В этом сборнике было первое в Японии стихотворение (хотя вернее будет назвать её

песней) на патриотическую тему под авторством Тояма Тюдзан (настоящее имя - Тояма Масакадзу) — «Песня обнажённых мечей»:

Вновь явлена миру наша слава —

Мощь Японии.

И враг, и мы сами

Умрем от меча на поле брани.

Для тех, в ком живет дух Ямато,

Настало время умереть! (перевод А.А. Долина)

Помимо новаторства в стихотворном плане (например, объём стихотворения), в данном стихотворении заметна тематика, нетипичная для японской поэзии - патриотическая лирика. По высокопарности «Песня обнажённых мечей» напоминает несколько воинственный дух старинных гунки. Таким образом, со времён «гунки моногатари», тема воинственности и патриотизма первый раз возникла в японской литературе.

Впоследствии «Песня обнажённых мечей» превратилась в первый настоящий японский военный марш, который воспевал японский дух и японское оружие. На этот марш (и, конечно, на самого Тояма Тюдзан) в большой степени повлияла европейская поэзия, в том числе стихи Альфреда Теннисона, в данном случае — «Атака лёгкой кавалерии» (The Charge of the Light Brigade).

Данный марш стал называться «*батто:тай*» 「拔刀隊」. Буквально данный термин можно перевести как «Отряд обнажённых мечей». Собственно, это и есть «Песня обнажённых мечей», но в 1882 году она была напечатана только в сборнике «Синтайсисё», а к середине 1880-х годов стала популярной военной песней. Она повествует о событиях 1877 года, о самом разгаре самурайских восстаний под предводительством Сайго Такамори. Песня рассказывает о специально набранном

полицейском отряде, который вместе с императорскими войсками противостоял Сайго Такамори. Вообще «Батто:тай» — это и есть название данного отряда. Он состоял, в основном, из умелых мечников; императорские войска, состоящие в то время из простых крестьян, которые не имели специальной тренировки, не могли ничего противопоставить самураям Сайго Такамори в ближнем бою, поэтому отряд «Батто:тай» был крайне эффективен в конфликтах, где без использования меча было не обойтись. В частности, отряд хорошо показал себя в битве за гору Табарудзака (находится на острове Кюсю, в настоящее время — на территории префектуры Кумамото), которая была выигрышной для императорской армии. Отряд, вооружённый мечами и способный успешно вести боевые действия с помощью, казалось, устаревшего оружия, вызывал восхищение в народе.

Таким образом, «Песня обнажённых мечей» постепенно обрела популярность. После публикации в сборнике «Синтайсисё» в 1882 году песня снискала большую известность, в основном среди романтически настроенных мальчиков и юношей.

В то время активно налаживались контакты с внешним миром, в Японию приезжали дипломаты и послы со всех уголков мира. Одним из них был французский композитор Шарль Леру. В 1885 году он впервые был приглашён в Японию, где и познакомился с произведением «Батто:тай». В том же году Шарль написал к словам Тояма Тюдзан музыку и аккомпанемент; так, получившаяся песня была в первый раз исполнена перед публикой. Выступление состоялось в «Рокумэйкан» 「鹿鳴館」 — заведении, которое являлось резиденцией для иностранных советников и послов. Впоследствии, при участии Шарля Леру были объединены мелодии «Батто:тай» и другой песни, «Песня Страны Восходящего Солнца» («фусо:ка» - 「扶桑歌」). Так появился официальный

марш японской императорской армии - «*Рикугун бунрэцу ко:синкёку*» — 「陸軍分列行進曲」¹.

Таким образом, первым патриотическим произведением Японии эпохи Мэйдзи можно считать «Отряд обнажённых мечей», а первым автором, который обратился к данной тематике - Тояма Тюдзан.

Тояма Тюдзан (настоящее имя - 「外山 正一」 - Тояма Масакадзу, также иногда произносится как Тояма Сё:ити - 23.10.1848-8.03.1900) был одним из первых просветителей и педагогов в Японии после реставрации (или, как ещё говорят, революции) Мэйдзи (「明治維新」- «*Мэйдзи исин*» - 1868). Масакадзу родился в Эдо (в настоящее время - Токио). Его отцом был Тояма Тюбэй Масаёси, который являлся самураем в княжестве Сидзуока. Несмотря на то, что Тояма Тюбэй Масаёси был хатамото (「旗本」 — то есть, прямым вассалом сёгуна), семья была небогатой. Отец Масакадзу преподавал военное дело в пехотной школе «*Кобусё*» (「講武所」), которая была учреждена администрацией сёгуна. Можно сказать, что на дальнейшее патриотически настроенное творчество Тояма Масакадзу повлияла профессия его отца. Будущий профессор Токийского университета, конечно, был весьма способным учеником. В основном, его интересовала западная литература.

В 13 лет (то есть к 1862 году) он поступил в так называемую «школу по изучению варварских книг» (「蕃書調所」 - «*бансё сирабэсё*»), в которой, как можно понять из названия, занимался изучением иностранных языков, а также переводом западной литературы. Его наставником стал будущий участник правительственной группы «*Мэйрокуся*» (「明六社」, то есть «общество шестого года Мэйдзи»),

¹Кодама Такэси. Популярные песни эпохи Мэйдзи. - Армидейл: Университет «Нью Инглэнд», 2010. - С. 92—94.

названо буквально, так как было создано как раз в шестом году Мэйдзи 1873), в которое также входили такие философы и учёные, как Мори Аринори, Като Хироюки и Фукудзава Юкити, просветитель и видный филолог того времени, Ринсё Мицукури (「箕作麟祥」). Благодаря стремлению, усердию и, конечно, врождённому таланту, Масакадзу Тояма достиг весьма значительных успехов в учёбе. В особенности, в изучении английского языка. Его английский был настолько хорош, что уже к 15 годам (к 1863 году) он смог стать преподавателем английского языка в школе, где недавно был простым студентом.

В 1866 году правительство приняло решение отправить 14 самых лучших японских студентов на стажировку в Лондон. Восемнадцатилетний Тояма Масакадзу стал одним из них. Вообще изначально планировалась долгосрочная стажировка, однако вследствие революции Мэйдзи в 1868 году и, соответственно, смены правительства, финансирование студентов было прекращено. Тояма Масакадзу был вынужден вернуться в Японию. По возвращении он какое-то время преподавал английский язык в Сидзуока, однако вскоре был замечен новым правительством. В 1870 ему удалось получить работу в министерстве иностранных дел Японии; в то же время Аринори Мори, в будущем участник «Мэйрокукай» (таким образом, будущий коллега наставника Тояма Масакадзу, Ринсё Мицукури) и министр культуры Японии занял должность помощника посла США. Масакадзу Тояма стал его секретарём. Таким образом, Тояма переехал в США².

В 1872 году у него появилась возможность получить дополнительное образование. Сначала он отучился в высшей школе Энн-Арбор (Ann Arbor High School, на данный момент - Pioneer High School). Выбор на эту школу пал вследствие дешевизны района, в котором она

²<http://www.webcitation.org/6erKefoB4> (04. 03. 2016).

находилась. К 1873 году он закончил высшую школу Энн-Арбор и поступил в Мичиганский университет. Обучение продолжалось до 1876 года. Он не стал получать степень сразу, а получил её только в 1886 году (степень магистра философских наук университета Мичигана), таким образом став первым японцем, который получил научную степень в американском университете. После выпуска Тояма Масакадзу вернулся в Японию.

По приезду в Японию он стал преподавать социологию в на тот момент одном из лучших учебных заведений, которые специализировались на иностранных науках, в школе Кайсэй (「開成学校」 - «*кайсэй гакко*:»). Школа была образована после нескольких реорганизаций «*Бансё Сирабэсё*» (「蕃書調所」), то есть школы, в которой в юности учился Масакадзу. Именно Кайсэй гакко: в 1877 году была преобразована в Токийский университет.

В 1882 году он, вместе с двумя другими профессорами Токийского университета, издал сборник «Синтайсисё», в котором и написал вышеупомянутое патриотическое стихотворение «*Батто:тай*».

Тояма Масакадзу поддерживал японскую завоевательную политику, воспевал храбрость и достоинство японского оружия, впоследствии создал большое количество патриотической литературы. Например, стихотворения: «Защита Японской империи» (「皇国の守」 - «*Ко:коку но мамори*»), более известное по первым словам «Идите, идите...» (「来れや来れ」 - «*Китарэ я китарэ*»); «Я горнист» (「我は喇叭手なり」 - «*Варэ ва раппасю нари*»), посвящённое погибшему в первой японо-китайской войне (1894-95) рядовому Гэндзиро Сираками, который, будучи ранен, продолжал дуть в горн, пока не умер, а тело его нашли с горном, прижатым к губам; и «Герой Люйшуня капитан Кани» (「旅順の英雄可兒

大尉」 - «Рёдзюн но эйю: Кани-тайи»), о командире полка, не сумевшем из-за болезни вести своих солдат в наступление и совершившем из-за этого самоубийство на том самом месте, где он упал, будучи не в силах идти в атаку³.

1.2.2 Ёсано Тэкан

Вскоре началась первая Сино-японская (1894-1895), а затем и Русско-японская (1904-1905) войны. Разумеется, эти исторические события сильно повлияли на литературу, которая издавалась в Японии. Многие писатели, вслед за Тояма Масакадзу, начали обращаться к патриотической тематике. Они воспевали храбрость и доблесть японских воинов; некоторые сами являлись участниками войны, у других же на войну уходили их близкие. Одним из таких писателей был Ёсано Тэкан.

Ёсано Тэкан (настоящее имя - Ёсано Хироси) родился в 1873 году в Киото в семье священника храма Нисихонгандзи. Его отцом был Ёсано Рэйгон (также упоминаются имена Райгон и Рэйгэн). Ёсано Рэйгон также был известен, как сочинитель вака. Он был знаком со многими другими авторами, например, с Отагаки Рэнгэцу (1791 - 1890). Именно от отца Хироси получил базовые знания об основах стихосложения. Ёсано Рэйгон сыграл важную роль в развитии таланта своего сына. Однако же, вкусы отца и сына сильно различались. Ёсано Рэйгон был ярым поклонником «Манъёсю», что ясно видно из 9-ти тетрадей с пятистишьями, которые были опубликованы посмертно⁴. Книга называлась «сборник стихов монаха Рэйгон» (Рэйгон боси касю). в 1910 году. Ёсано Хироси же считал культ «Манъёсю» ересью, но при этом высоко ценил «Кокинсю» и «Синкокинвакасю».

Ёсано Хироси преуспел в изучении классической японской и

³http://www.nihongunka.com/authors/songwriters/masakazu_toyama (02.03.2016).

⁴Сулейменова А.М. Модернизация японской поэзии традиционных форм. - Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 2008. - 299 с. С. 31.

китайской поэзии, хотя не закончил даже среднюю школу. Как уже было сказано ранее, он получил знания об основах стихосложения от своего отца; также он имел много возможностей общаться с учениками Ёсано Рэйгон и перенимать у них знания и приёмы (например, одним из них был известный в будущем поэт Амада Гуан (1854-1904)). Ёсано Хироси собирался поступить в университет, однако из-за бедности семьи ему пришлось отказаться от этой идеи и подать заявление на пост буддистского священника. Однако священником Хироси пробыл недолго. В возрасте 19 лет (то есть в 1892 году) он уехал из Киото в Токио. В следующем же году он поступил на обучение к уже имеющему немалую популярность в тот момент поэту Отиаи Наобуми (1861-1903).

Отиаи Наобуми был одним из первопроходцев поэзии синтайси. В молодости он увлекался европейской литературой, делал переводы для антологии западной поэзии «Омокагэ» под редакцией Мори Огай, вместе с Сасаки Нобуцуна и Масаока Сики пытался основать общество новой поэзии, но вскоре в основном переключился на сложение танка⁵.

Когда в 1893 году Ёсано Хироси стал его учеником, Отиаи Наобуми вместе с Омати Кэйгэцу и некоторыми другими поэтами и, конечно, самим Хироси, создал поэтический кружок танка «Асака ся» (「浅香社」 - «*Тонкий аромат*»). В то время шла усиленная подготовка к войне с Китаем, после выхода императорского Рескрипта об образовании в армии и народных массах широко распространялись идеалы Бусидо, был резкий подъём националистических идей. Их подхватил и Отиаи Наобуми. Именно он сильно повлиял на творчество Ёсано Хироси, а конкретнее именно благодаря его стихам Хироси начал заниматься патриотической литературой. Рассмотрим одно из его стихотворений, опубликованное

⁵Долин А.А. История Новой японской поэзии в очерках и литературных портретах. - СПб.: Издательство Гиперион, 2006. - 416 с. С. 315.

Отиаи Наобуми как раз перед первой Сино-японской войной:

Надел я
багряный мой доспех,
за пояс меч — и думаю,
не отправиться ли поглядеть
на цветущую сакуру в горах. (перевод А.Долина)

В данном стихотворении ясно видны довоенные настроения, подготовка к войне, последняя возможность насладиться жизнью, «поглядеть на цветущую сакуру в горах».

В остальном же, в стихах Отиаи Наобуми скорее прослеживаются лирические мотивы, нежели патриотизм и воинственность. Однако же, несмотря на это, он написал слова к известной патриотической песне 1899 года «Сакураи-но кэцубэцу» (「桜井の訣別」 - «Прощание в Сакураи»).

Итак, Ёсано Хироси стал учеником Отиаи Наобуми и участником «Асака ся». Он хорошо проявил себя в данном литературном кружке, за что Наобуми в 1894 году помог ему опубликовать статью в отделе «Искусство и переписка с читателем» газеты «Нироку Симпо». Статья эта называлась «Звуки, губящие страну» (「亡国の音」 - «Бококу-но ин»); в ней Ёсано Хироси яростно критиковал своих поэтов - современников и современную поэзию танка. Он обвинял современную поэзию в застое, отсутствии новых идей, паразитировании на классических антологиях, повторении уже написанного. Именно эта статья обеспечила популярность молодому писателю, который стал одним из самых ярких поэтов конца 19 века.

В том же 1894 году началась первая Сино-японская война, и Ёсано Хироси принял в ней участие. Хотя он был на войне не так долго, это отчётливо отразилось на его творчестве и усилило его и так немалые националистические настроения. В 1895 году он отправился преподавать в

японский язык и литературу в Корею. Это тоже сильно повлияло на его идеи. По поводу отношения Ёсано Тэкан к Корее и Китаю А.А.Долин пишет: «К своей миссии колонизатора-просветителя Тэкан относился с большим пиететом, вероятно искренне веря в то, что несет свет знаний полудикарям — и совершенно игнорируя тот факт, что буддизм и все основы культуры пришли в Японию преимущественно из Кореи или через Корею. Тем не менее он достаточно прочно ассоциирует Корею (бывшую в прошлом вассалом китайских, а затем маньчжурских императоров) со всем континентальным Китаем, против которого Япония успешно вела войну. Во всяком случае, он называет Корею не иначе, чем Кара (давая это приписное чтение иероглифу «Корея»), а корейцев не иначе, как карабито, то есть «китайцы». Название Кара в классической японской поэзии со времен «Манъёсю» означало именно Китай (будучи изначально обозначением династии Тан)»⁶.

Во время войны, а позже во время пребывания в Корее Ёсано Хироси написал огромное количество патриотических стихотворений. Он широко прославлял японский дух и японское оружие, направленное против Кореи и Китая (опять же причиной послужила Японо-китайская война). Большая часть этих стихотворений позже попала в сборник «Восток и Запад, Север и Юг», который был выпущен в 1896 году. Рассмотрим следующие стихотворения:

Я в китайских горах
посажу японские вишни
и китайских детей
научу я петь наши песни —
песни славных мужей Ямато...

⁶Долин А.А. История Новой японской поэзии в очерках и литературных портретах - СПб.: Издательство Гиперион, 2006. - 416 с. С. 319.

В подобных стихах Ёсано Тэкан выражает «цивилизационную» миссию расы Ямато по отношению к другим народам Азии. При этом он осознаёт технологическую отсталость Японии в сравнении с западными странами. Однако и здесь берёт верх националистический идеал. В стихотворении «Услышав об открытии международной выставки в Чикаго» он пишет:

Я бы прежде всего
отсюда в далекий Чикаго
предложил бы послать
белый снег, что венчает Фудзи,
вишен цвет, коим Ёсино славно...

Уже после возвращения с фронта он написал стихотворение, которое посвятил своему другу Хоригути Куманъити, отбывающему на военную службу в Китай:

Ты отправишься в путь
и однажды коня остановишь
у подножья Стены,
чтобы гордо назад оглянуться -
одиноким отважный странник

Во время преподавания в Корее он написал следующее стихотворение:

Над вершинами гор
тоскливым и грозным призывом
рык тигриный звучит -
всё сильнее ветер вечерний,
всё темнее мрачные пади...

В данном стихотворении много аллегорий, которые можно трактовать следующим образом: «рык тигриный» — это сила японской

армии, «грозным призывом звучит» — зов к наступлению, «всё темнее мрачные пади» - напряжение атмосферы перед битвой.

В конце 1895 года он тяжело заболел тифом и был вынужден вернуться в Японию. Своей тяжелой болезни он посвятил следующее стихотворение:

Как могу я теперь
опочить в чужедальной Корее?
Если сгину я здесь,
вновь в убожество и небрежение
будет ввергнут стих Достославных...

Перед возвращением в Японию он писал:

Среди дремлющих гор
под недвижными соснами сосен
на поляне в снегу
свежий след тигриный чернеет.
До ночлега путь ещё долог...

Тут явно описывается возвращение японских солдат и, в частности, самого Ёсано Тэкан из Китая на родину. «След тигриный» — не что иное, как следы возвращающихся с фронта японских солдат. Вообще для Ёсано Тэкан типично сравнивать японскую армию с тигром. Таким образом он подчёркивает её силу, храбрость и доблесть, как у благородного зверя.

Именно благодаря вышеупомянутому сборнику и воинственным стихотворениям Ёсано Хироси получил прозвище «Тэкан», то есть «тигр». Также его стали называть «поэтом Тигра и Меча».

В некоторых стихотворениях не было конкретики: не было ни упоминаний стран, ни событий. Были лишь воинственные призывы. К примеру, следующее стихотворение:

Право же, ни к чему

разговоры вести понапрасну —
все вопросы решить
может только меч самурайский,
только этот клинок заветный!..
Уже вернувшись из Кореи, он писал:
Там, в китайских горах,
тигра рев не разносится боле —
только ветер шумит,
заунывным воем смущая
тишину осеннего леса...

Опять же, видны явные послевоенные настроения. Под «рёвом тигра» явно подразумевается японская армия, «не разносится боле» — «война уже окончена».

Итак, во всех вышеупомянутых стихотворениях можно увидеть патриотический дух и воинственность Ёсано Тэкан, воспевание силы японской армии и японского оружия, направленного, в основном, против Кореи и Китая. Во всех своих стихотворениях Ёсано Тэкан следовал мужественному духу «масураобури», который он почерпнул из «Манъёсю». Сам термин был принят ещё Камо Мабути для обозначения «мужественного» стиля, в противовес женственному - «таоямэбури».

Со временем его поэзия начинает приобретать всё более и более лирические оттенки. В 1900 году он встретил юную поэтессу и свою будущую жену Хо Акико. Ради неё он бросает другую возлюбленную (которая, кстати, была подругой Акико) - Ямакава Томико. Их любовь сильно влияет на Ёсано Тэкан, заставляет его отказаться от принципов «масураобури» в пользу стиля «звёзд и фиалок»⁷. Вместе они организывают издание «Мёдзё» (Утренняя звезда). Дальнейшие его

⁷Сулейменова А.М. Модернизация японской поэзии традиционных форм. - Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 2008. - 299 с. С. 40.

стихи были посвящены любовной лирике, в них отсутствовали воинственные настроения.

1.3 Японская патриотическая литература эпохи Тайсё: и Сё:ва

После расцвета патриотической поэзии в лице Ёсано Тэкан, Отиаи Наобуми и Тояма Тюдзан, данные тенденции в литературе пошли на спад. После русско-японской войны многие японцы начали осуждать агрессивную внешнюю политику Японии, начала появляться совершенно противоположная ранее описанной литература - антивоенная (а также антимилитаристическая) проза и поэзия. Патриотическая же литература, несмотря на быстрые темпы роста японского национализма, потерпела спад.

Интересно то, что рост национализма сопровождался увеличением либерализма в стране. После смерти императора Мэйдзи (30 июля 1912 года) рост либерализма поистине достиг высоких темпов; партии получили больше власти, в 1918 году установилась двухпартийная система (к созданной Ито Хиробуми в 1900 году партии 「政友会」 - «сэйю:кай» - присоединилась партия 「権政会」 - «кэнсэйкай» ; «сэйю:кай» отличалась консерватизмом и поддерживала японский милитаризм, в то время как партия «кэнсэйкай» была более либеральной и придерживалась антимилитаристической позиции, но, несмотря на эти разногласия, обе партии были антикоммунистическими), появлялись новые издательства и газеты, многие из которых (а именно 「朝日新聞」- «асахи синбун», 「東京新聞」 - «Токё: синбун», 「日経新聞」 - «никкэй синбун» и 「毎日新聞」 - «майнити синбун») отличались либерализмом (консерватизма придерживались 「読売新聞」 - «ёмиури синбун» и 「産経新聞」 - «санкэй синбун»). Также в 1925 году в парламенте было принято всеобщее избирательное право (в выборах могли участвовать только мужчины от 25

лет, но всё-равно это был большой шаг в сторону либерализма), и первые выборы состоялись в 1928 году. Этот переход получил в истории название «демократия Тайсё:» (「大正デモクラシー」), и продлился вплоть до 1932 года (хотя это уже был период Сёва, начиная с 1925 года). Нужно отметить, что сам термин «демократия Тайсё:» не вполне передаёт всю суть демократии как таковой. Вместо слова «демократия» скорее подходит выражение «рост либерализма», но данный термин уже устоялся.

Причиной окончания «демократии Тайсё:» послужило убийство премьер - министра Инукай Цуёси в результате инцидента 15 мая 1932 года (「五・一五事件」 - «гоитиго дзикэн»). После этого начался рост предвоенного авторитаризма.

Однако, как изложено выше, во времена Тайсё: был рост либерализма. В такой обстановке патриотическая и воинственная литература не могла иметь успеха, людям не были интересны такие мотивы. Наоборот, в литературных кругах имел место сильный рост гуманизма, что доказывали участники неоидалистической литературной группы «Сиракаба», а также Ёсано Акико, Миямото Юрико и другие писатели. Они описывали человеколюбие, сложность жизни, призывали людей к состраданию и помощи ближнему. Также было много антивоенных произведений, о которых речь будет идти в следующей главе. Даже Ёсано Тэкан, ранее воспевавший силу японского оружия, в начале 1900 - х перешёл к любовной лирике и поэзии «звёзд и фиалок» (во многом благодаря своей супруге Ёсано Акико).

Таким образом, во времена Тайсё: (1912-1925) патриотической литературы, как таковой, практически не существовало.

Однако, как уже было упомянуто, «демократия Тайсё:» подошла к концу в 1932 году и начался предвоенный период. «Демократия Тайсё:» уступила место авторитаризму под предводительством японского

военного правительства. Это также повлияло и на литературу. Воинственная и патриотическая литература вновь стала набирать популярность.

Такую литературу стали обозначать термином 「新口マン派」 - «синроманха», неоромантизм. Такая литература была агитационной, призывала к войне. В отличие от подобной литературы времён Мэйдзи, которую писали, как правило, в форме поэзии, неоромантизм в основном был представлен прозой.

Так, начиная со второй половины 30-х годов XX века, в японской литературе началась «Эпоха мрака», «милитаристический угар». Многие писатели разделились на два лагеря: 1) Противники войны и японского милитаристического режима. Критиковали власть, за что подверглись репрессиям (к примеру, Нома Хироси, которого арестовали в 1943 году из-за участия в антивоенных студенческих движениях в 1930-х годах под влиянием марксизма); 2) Сторонники агрессивной политики японского военного правительства. Поддерживали власть, благодаря чему их часто отправляли на фронт в качестве военных корреспондентов.

Те, кто поддерживали власть, делились на следующие группы:

1. 「農民文学」 - «но:минбунгаку» - литература, нацеленная на крестьянство.
2. 「海文学」 - «кайбунгаку» - литература, нацеленная на моряков и рыбаков.
3. 「造産文学」 - «дзо:санбунгаку» - литература, нацеленная на рабочих заводов и предприятий.

Вся подобная литература являлась агитационной, призывала людей идти на войну и «служить императору кровью». Формально главой движения неоромантизма стал старший брат Токутоми Рока, Токутоми Сохо. Также из известных писателей в это движение входили Кикиути Кан

и Мусякодзи Санэацу. В 1944 году это движение самораспустилось, а после поражения Японии во Второй Мировой войне патриотическая и воинственная литература как таковая исчезла полностью.

Глава 2

Японская антивоенная и антимилитаристическая литература

В предыдущей главе была рассмотрена японская патриотическая литература, первые поэты, в чьих произведениях появились воинственные мотивы, события, которые привели к появлению в Японии подобного движения, а также литература «эпохи Мрака», военная проза, агитирующая людей идти на фронт. В данной главе будет рассмотрена совершенная противоположность представленной ранее литературы, а именно антивоенная и антимилитаристическая литература.

Стоит сразу заметить, что «антивоенная» и «антимилитаристическая» — это разные термины.

Под «антивоенной» литературой подразумевается проза и поэзия, протестующая кровопролитию и насилию. Действия разворачиваются непосредственно на фронте, описывается хаос и ужас войны. Автор может и не давать оценку войне, но сцены военного кошмара сами по себе выражают протест происходящему. Это хорошо иллюстрируется в сборнике Хаяси Фумико «На передовой» (「戦線」 - «сэнсэн»). Также бывает и обратная ситуация, когда автор от первого лица осуждает войну, либо же протест выражают герои произведения (как пример — рассказ Куросима Дэндзи «Сани» - 「糞」 - «сори»).

«Антимилитаристическая» литература же выступает против самого милитаризма как режима. Действия произведений разворачиваются в тылу

во время войны. Подчёркивается атмосфера безысходности и отчаяния, бедность и страдания народа из-за политиков и военной верхушки, которая тратит все ресурсы страны для войны, не забывая при этом класть львиную долю средств в свой карман. Война как таковая практически не описывается, хоть и является причиной страдания героев; вместо фронта идёт описание губительного милитаризма, который превращает страну в хаос. Это ярко иллюстрирует рассказ Номы Хироси «Зона пустоты» (「真空地帯」 - «синку: титай»).

В то время, как писатели вроде Ёсано Тэкан и Тояма Тюдзан воспевали силу японского оружия и доблесть японской армии, стало появляться совершенно противоположное течение в японской литературе конца 19 — начала 20 века.

2.1 Антивоенная литература времён Русско-японской войны

Как и в случае с патриотической и воинственной литературой, толчком к появлению антивоенной литературе послужила война. На этот раз — Русско-японская война (1904-1905). Многие писатели начали подходить к патриотизму, как к заведомо губительному, ложному и неправильному идеалу, который заставляет молодых японцев отдавать свои жизни в угоду политикам и командующим, которым нет дела до простого народа. Подобная литература прославляла гуманность, добродетель и мир, при этом подчёркивая бессмысленность многих тысяч жертв молодых парней, отдавших жизнь за несуществующий идеал.

В отличие от патриотической литературы, большая часть которой сначала была представлена только поэзией и военными песнями (ведь проза на данную тему появилась значительно позже), антивоенная литература сразу была представлена и в поэзии, и в прозе.

2.1.1 Ёсано Акико

Одной из первых писательниц, затронувших антимилитаристическую тему, стала жена уже упомянутого Ёсано Тэкан, Ёсано Акико. Примером её антимилитаристической поэзии может служить, к примеру, стихотворение «Не отдавай, любимый, жизнь свою». Стихотворение она посвятила своему брату, воевавшему в Порт-Артуре. В нём ярко выражаются антивоенные настроения писательницы, её мольбы прекратить бессмысленное кровопролитие ради правителей и командиров, которые вместо того, чтобы самим участвовать в бойне, посылают отдавать жизнь молодых ребят. Это отчётливо видно в следующих строках:

Сам государь нейдёт на поле брани,
В бой не ведёт вас во главе колонн.
Когда ж и вправду он сердец избранник,
То разве может слепо верить он,
Что доблестно лить кровь людей, как воду,
За жертвой в поле рыскать, как зверью,
И пасть таким велениям в угоду?
Не отдавай, любимый, жизнь свою!

В словах «И пасть таким велениям в угоду?» чётко просматривается отношение писательницы к воинственности как форме патриотизма. Ёсано Акико не рассматривает агрессию и готовность лить кровь за императора на поле брани как патриотизм, напротив, она подчёркивает бессмысленность таких жертв. С антимилитаристической точки зрения Ёсано Акико, достоинство и честь — это не готовность убивать и быть убитым на войне, а мирное существование и отказ от насилия. Эту мысль подтверждают следующие строки:

Твой славен род не беспощадной бойней,

Он кровь ещё не проливал ничью,
Ты призван продолжать его достойно.
Не отдавай, любимый, жизнь свою!

Говоря об антивоенной прозе, которая появилась в разгар Русско-Японской войны, в том же 1904 году, стоит отметить два произведения: «Огненный столп» (「火の柱」 *«хи-но хасира»*) Киносита Наоэ и «Рядовой» (「一兵卒」 *«иппэйсоцу»*) Таяма Катай.

2.1.2 Киносита Наоэ

Киносита Наоэ родился в Мацумото, префектура Нагано. После окончания университета Васэда он вернулся в родную префектуру, где начал работать адвокатом и журналистом. Позже он обратился в христианство. Его увлечение христианской религией познакомило его с русской литературой, в частности, с Толстым, чьи антимилитаристические настроения сильно повлияли на творчество Киносита Наоэ. В 1901 году он, вместе с Абэ Исо:, Катаяма Сэн Сю:суй Ко:току и Каваками Киёси основал Социально-демократическую партию Японии (「社会民主党」 *сякай минсюто*). В 1903 году он стал редактором первой антивоенной газеты в Японии - «Хэймин симбун» (「平民新聞」) Когда началась Русско-японская война, он яро выражал протест кровопролитию. Именно тогда Киносита Наоэ написал социальный роман «Огненный столп». Роман Киносита Наоэ отличается многоплановостью: в нем представлены высшие военные касты, раскрывается коррупция правящих кругов, лицемерие церкви. Показана забастовка шахтеров острова Кюсю и т.д., но главная его идея – протест против войны, главная задача – показать войну так, чтобы народ возненавидел ее⁸.

8Диляра Зильфигар гызы Гаджиева. Л.Н.Толстой и Восток. — Баку: Бакинский славянский университет, 2010. — С. 22.

2.1.3 Таяма Катай

Рассказ Таяма Катай «Рядовой» тоже стал одним из видных антивоенных памятников, написанных во время Русско-японской войны. Рассказ основан на собственном опыте: во время войны Таяма Катай был отправлен военным корреспондентом 2-й армии в Маньчжурию. Именно там и происходят действия рассказа. Рассказ «Рядовой» повествует о смерти на войне молодых парней, которые ещё даже не видели жизни. Главный герой, посреди войны страдая от авитаминоза, вынужден лечь в больницу где-то в Маньчжурии. Так как он не может вынести всех ужасов военного госпиталя, не способен смотреть на страдания других солдат, главный герой уходит из больницы. Описываются пейзажи Маньчжурии, какой её видел сам Таяма Катай, когда был в составе группы военных фотографов. Тут явно прослеживается веяние «повести о себе» - (「私小説」 - «*ватакуси сё:сэцу*»), жанра, начало которому он же и положил. В мыслях солдата - бессмысленность войны, всех жертв, которую солдаты приносят во имя «любви» к своей стране, которую навязывает правительство. В то же время описывается тяжелая жизнь военных, отсутствие на поле брани какой - либо «доблести», только грязь, насилие и кровопролитие. Рассказ написан в явно натуралистическом стиле, описаны многие мелкие детали, чувства и ощущения главного героя. Кажется, что Таяма Катай частично описывал свои собственные ощущения во время пребывания на фронте.

2.2 Антивоенная литература времён японской интервенции в Сибири

Следующие произведения на антивоенную тематику, которые я рассмотрю в данной работе, приходится на период попыток японской интервенции в Сибири в 1918-1922 годах. На тот момент уже начала развиваться пролетарская литература, и, по мнению Курахара Корэхито⁹, именно она повлияла на развитие антивоенной прозы.

2.2.1 Куросима Дэндзи

Большой вклад в развитие японской антивоенной литературы внёс Куросима Дэндзи. Его имя не пользуется слишком большой популярностью. Несмотря на то, что его рассказы во многом связаны с Россией, практически ни один из его рассказов не переведён на русский язык.

Куросима Дэндзи родился в 1898 году в бедной крестьянской семье, живущей на острове Адзука, что в префектуре Кагава. После окончания начальной школы он работал на соевой фабрике. В возрасте 20 лет он переехал в Токио и стал усиленно готовиться к поступлению в университет Васэда; был очень увлечён русской литературой, например Достоевским, Чеховым и Толстым. Последний в особенности повлиял на антивоенные идеи Куросима Дэндзи (как и на творчество вышеупомянутого Киносита Наоэ). К сожалению, через год он был призван в армию и вступил в 10-й пехотный полк Химэдзи санитаром. В 1921 году он был отправлен в Сибирь. Там он провёл около двух лет. В Сибири у Куросима Дэндзи начинается лёгочное заболевание, и он возвращается в Японию. В 1925 году он публикует свои первые рассказы в журнале «Бунгэй сэнсэн»¹⁰.

В своих первых рассказах он, по большей части, рассказывает о

⁹Курахара К. Статьи о современной японской литературе / Редакция перевода и примечания Н.И. Фельдман. - М.: Издательство восточной литературы, 1959. - 212 с. С. 183.

¹⁰Курахара К. Статьи о современной японской литературе / Редакция перевода и примечания Н.И. Фельдман. - М.: Издательство восточной литературы, 1959. - 212 с. С. 182.

бедной крестьянской жизни. Эти рассказы носят ярко выраженный пролетарский характер. Другие же были чисто автобиографическими произведениями. Последняя группа в этом списке — рассказы на тему войны: «Сани» (「橋」- «Сори»), «Ляля и Маруся» (「リャーリャとマルーシャ」 - «Ряря-то Маруся»), «Снежная Сибирь» (「雪のシベリア」 - «Юки-но Сибэрия») и так далее. Все эти рассказы пропитаны ненавистью к армейской жизни и кровопролитию, в них подчёркивается вся бессмысленность войны.

Главная тема рассказов Куросима Дэндзи — развитие у молодых солдат отвращения к войне, неподчинение командованию и отказ от насилия. Конечно, образы большинства героев его рассказов основаны на его армейских товарищах. По большей части, солдаты, жизнь которых описана в его антивоенных рассказах, были выходцами из крестьян, сыновьями бедных семей, как и сам Куросима Дэндзи. Во время трёхлетней интервенции (1918-1921) этих самых солдат заставляли оккупировать сибирские земли, отбирать у мирных русских крестьян скот, лишать их достатка. Естественно, все конфискованные вещи достаются командованию, а солдаты вынуждены мёрзнуть и голодать в холодной Сибири. Они начинают во многом ассоциировать себя с русскими крестьянами и сочувствовать им: «Причинять русским мучения, насильно уводить их скот, не обращая внимания на слёзы и мольбы, - гадко это!» Ведь они, по сути, грабят семьи таких же простых мирных людей, как и они сами. Японские солдаты полны глубокого сочувствия к русским крестьянам, к которым их посылают проводить реквизиции, и ненавидят офицеров, заставляющих их это делать¹¹.

Так как Куросима Дэндзи сам являлся выходцем из бедной

¹¹ Курахара К. Статьи о современной японской литературе / Редакция перевода и примечания Н.И. Фельдман. - М.: Издательство восточной литературы, 1959. - 212 с. С.186.

крестьянской семьи, он как никто другой понимал, с каким трудом крестьянам удавалось содержать скот и обрабатывать землю, зарабатывая тем самым на жизнь. В его рассказах командиры заставляют героев буквально обворовывать крестьянские семьи; эти приказы чужды солдатам, и они перестают им подчиняться.

Повесть «Сани» рассказывает о жизни солдат японского батальона, который отправили в Сибирь. Главный герой, как таковой, отсутствует; основными действующими лицами являются несколько рядовых солдат японской армии и русские крестьяне с партизанами. Солдаты не имеют своей собственной воли, они вынуждены во всём подчиняться командованию, которое часто отдаёт неадекватные приказы и действует исключительно в своих личных целях, а также заставляют солдат совершать аморальные поступки в отношении мирного населения, при этом выходя чистыми из воды. Среди солдат начинают зарождаться бунтарские настроения. В одной из сцен дневальный¹² Ёсивара открыто призывает товарищей к неподчинению командованию; он рассуждает о тяжёлой участи как русских крестьян, так и самих солдат. Кто-то поддерживает его, а кто-то наоборот не принимает бунтарских идей дневального: «Эй, давай закончим этот разговор и пойдём обратно. Смысл жаловаться, ведь всё равно ничего не поделать», - отвечает рядовой Абэ.

Многие солдаты, например, рядовой Кимура, больны и непригодны для службы, но для командования это не повод дать им отвод. Солдат безжалостно эксплуатируют: «Да даже если я начну кровью харкать, мне отвод не выпишут», — жалуется товарищам Кимура.

По приказу правительственного чиновника крестьянин Пётр вынужден отдать солдатам сани; он объясняет это необходимостью доставлять продовольствие, хотя на самом деле планирует использовать

¹²Дневальный (воен.термин) - дежурный солдат

их в военных целях. На санях, которыми управляют русские крестьяне, японские солдаты добираются до линии фронта. После битвы солдаты оглядываются и видят убитых ими партизан, среди которых есть и старики, и дети. Рядовые отказываются продолжать воевать:

«— Эй, до меня, наконец-то, дошло, — сказал Ёсивара. — Это ведь мы выбрали этот путь.

— Мы не выбирали, были те, кто *заставили* нас его выбрать против нашей воли, — крикнул кто-то из парней.

— Но ведь именно *мы* воюем, *мы* убиваем. Если мы откажемся, то всё это прекратится».

В главе с Ёсивара солдаты начинают открыто выражать протест командованию; один из офицеров стреляет в Ёсивара. Благодаря заварушке крестьянам, которые везли японских солдат до линии фронта, удаётся скрыться на санях. «Им что, настолько сильно нужно воевать с нами, что они готовы убивать своих же солдат, отказывающихся это делать?!», - рассуждал про себя один из крестьян.

Офицеры в меньшинстве; они остаются наедине с разъярёнными солдатами в бескрайних степях. Теперь на них нет оков, осталась лишь ненависть к командованию и осознание того, что им суждено умереть в этих снегах, так как саней уже нет и никто за ними не придёт.

2.3 Антивоенные произведения времён Второй Мировой войны

2.3.1 Хаяси Фумико

Следующая писательница, о которой необходимо рассказать - Хаяси Фумико.

Хаяси Фумико (1903-1951) — японская писательница и поэтесса. Она стала популярной благодаря произведениям «Скитания» (「放浪記」 - “*хо:ро:ки*” - 1929) и «Плывущие облака» (「浮雲」 - «*укигумо*» - 1951). Также она была военным корреспондентом газеты «*Майнити симбун*» в

составе группы «*пэн бутай*» (или «*нихон бунгаку хо:кокутай*») после битвы при Нанкине. Будучи корреспондентом, она писала разные военные заметки, которые можно рассматривать как жанр «никки». Также на тему войны было сочинено много танка. Самое замечательное в её работах — это подробное описание всего ужаса и жестокости войны. Несмотря на то, что её работой являлась, по сути, милитаристская пропаганда, она несла правду о кошмарах войне в массы.

Хаяси Фумико родилась на острове Кюсю в 1903 году. Её семья была небогата, так что будущей писательнице приходилось много работать — она работала и чистильщицей башмаков, и уличной торговкой. Впервые она увлеклась поэзией, когда училась в женской школе в городке Ономити; её танка даже были опубликованы в местной газете¹³.

Позже, к 1924 году, она переехала в Токио, где вышла замуж за художника Тэдзука Масахару. Хаяси Фумико продолжила свою литературную деятельность и написала сборник «Двое» (「二人」 - «*футари*»), который, однако, не был издан, ведь женщине сложно было пробиться в издательства, которыми управляли, в основном, мужчины. В 1928 году она подала сборник стихов «Кибита» (просяное поле) в издательство «Нёнин Гэйдзюцу», которым руководила поэтесса Хасэгава Сигурэ; в этом же году она выпустила уже упомянутую книгу «Скитания» (「放浪記」 - «*хо:ро:ки*»), которая обеспечила ей популярность.

Уже став популярной писательницей, Хаяси Фумико много путешествовала по Китаю и Европе, знакомилась со многими мировыми писателями.

После битвы в Нанкине она поехала в Китай в качестве военного

¹³Сулейменова А.М. Военные дневники Хаяси Фумико // Проблемы литератур Дальнего Востока Том 2. — СПб.: Издательство НП-Принт, 2014. — С. 417-426. С. 418.

корреспондента газеты «Майнити синбун» в составе группы «пэн бутай» (или «нихон бунгаку хо:кокутай»). В декабре того же года она выпустила сборник «На передовой» (「戦線」 - «сэнсэн»), в котором описала свои впечатления относительно войны. В 1940 году, после объезда Северной Маньчжурии и Кореи, Хаяси Фумико написала другой сборник - «Замёрзший континент» (「凍る大陸」 - «коору тайрику»)¹⁴. В своих сборниках она описывает ужасы войны, жестокость и насилие. Также она касается темы тяжёлой участи женщин на войне. Хаяси Фумико сочувствует китайским женщинам, которые во время теряли мужей и сыновей и подвергались насилию со стороны солдат. Своё сочувствие она выражает в поэзии, например, в стихотворении, посвященном женщинам города Ханькоу.

В произведениях Хаяси Фумико, в отличие от вышеупомянутых антивоенных сочинений Таяма Катай, Ёсано Акико, Куросима Дэндзи и других, нет прямо выраженного протеста войне. Она была военной корреспонденткой. Её произведения касаются именно ужасов войны. В отличие от писателей, которые поддерживали власть и милитаристский режим (например, Токутоми Сохо или Кикүти Кан) и агитировали народ воевать, Хаяси Фумико подчёркивала ужасы войны, описывала жестокость и насилие (таким образом, её дневники можно назвать антивоенными). В её произведениях нет открытых призывов остановить войну, но есть сочувствие по отношению к жертвам, убитым и раненым на фронте. Именно это подчёркивает её антивоенную позицию.

¹⁴Сулейменова А.М. Военные дневники Хаяси Фумико // Проблемы литератур Дальнего Востока Том 2. — СПб.: Издательство НП-Принт, 2014. — С. 417-426. С. 422.

2.3.2 Нома Хироси

Другой писатель, который внёс большой вклад в японскую концепцию антимилитаризма и о котором нужно рассказать - Нома Хироси.

Нома Хироси родился 23 февраля 1915 года в Кобэ в семье буддистского монаха. Литературой стал заниматься в 1932 году, когда со своими одноклассниками открыл школьный поэтический журнал «Трое» (「三人」 - «*саннин*»). После выпуска из школы в 1935 году поступил на кафедру французской литературы филологического факультета университета Киото. В университете Хироси заинтересовался идеями марксистов; помимо этого участвовал в различных студенческих антивоенных движениях.

После выпуска из университета в 1938 году будущий писатель устроился на работу в городской муниципалитет Осака. В 1941 году был призван в армию и участвовал в боях в Китае и на Филиппинских островах, однако из-за малярии был отправлен обратно в Японию. Война была для писателя совершенно чуждым явлением, воевать его практически заставляли.

В 1943 году о социалистических взглядах и антивоенной деятельности во времена студенчества Нома Хироси стало известно военной жандармерии (「憲兵委」 - «*кэнпэй*»); под статьёй «преступление против идеологии» (「思想犯」 - «*сисо:хан*») он был осуждён и приговорён к заключению; следующие полгода писатель провёл в военной тюрьме Осака (「大阪陸軍刑務所」 - «*о:сака рикугун кэймусё*»). После освобождения под надзором был возвращён в действующую армию. В феврале 1944 года был демобилизован.

До капитуляции Японии проработал на заводе боеприпасов близ

Осака. После поражения Японии во Второй Мировой войне сразу вступил в коммунистическую партию Японии (「日本共産党」 - «*нихон кё:санто:*»). В 1946 году выпустил повесть «Тёмная картина» (「暗い絵」 - «*курай э*»), которая стала первым полным произведением автора. В 1950 году вступает в созданный полгода тому назад журнал «народной литературы» (「人民文学」 - «*дзинмин бунгаку*»), а в 1952 году уже получает литературную награду от газеты «майнити» (「毎日出版文学賞」 - «*майнити сюппан бунгакусё:*») за повесть «Зона пустоты» (「真空地帯」 - «*синку: титай*»), написанную чуть раньше. «Зона пустоты» достаточно сильно на шумела, стала причиной спора политика и литературного критика Миямото Гэндзи и писателя и критика Оониси Кёдзин, а также привлекла пристальное внимание различных литературных журналов. В том же 1952 году был выпущен одноименный художественный фильм. Повесть является одним из самых известных произведений автора; она также одна из немногих, которые переведены на русский язык.

«Зона пустоты» — это чисто анти милитаристическая повесть. События разворачиваются в 1943 году на одной из японских военных баз близ Осака.

Главный герой — солдат Китани — был отправлен обратно в Японию с фронта и вскоре был несправедливо осуждён в краже у старшего офицера, а также за свои идеологические убеждения (по книге он придерживался социалистических взглядов); в самом же деле причиной его неприятностей стали махинации двух командиров, а сам солдат просто оказался меж двух огней, в неудачное время и в неудачном месте. С выходом из тюрьмы он возвращается в военную часть, чтобы отомстить офицеру, который его подставил. Всё оказывается намного запутаннее, чем Китани сначала считал; он находит виновного, как ему казалось,

командира, и мстит ему, но, как мы узнаем чуть позже, командиром, подставившим Китани, с самого начала был офицер, которого Китани считал своим другом. Он же вскоре отправляет солдата на фронт. Месть так и остаётся неосуществлённой.

Повесть скорее носит детективный характер. По ходу прочтения мы вместе с героем узнаём всё новые детали расследования.

Нома Хироси создаёт атмосферу абсолютного отчаяния и безысходности. Сама «Зона пустоты» — это и есть милитаристическая Япония. Все, и солдаты, и гражданские лица, ведут абсолютно бесполезный и статичный образ жизни. Солдаты живут в ожидании увольнительных, чтобы на последние деньги сходить в весёлый квартал. Все живут сегодняшним днём и даже думать не смеют о будущем - ведь в любую минуту может прийти приказ о зачислении на фронт. Гражданские лица, например, семья друга Китани солдата Сода, живут в страхе перед милитаристическим правительством. Офицеры играют солдатами, как фигурами на шахматной доске, и только и думают о том, как получить выгоду и набить собственные карманы деньгами. Среди всех них выделяются только два солдата — Китани и Сода, первый — своевольный и негиббемый, а второй — аристократичный, хорошо образованный и свободно мыслящий. Однако в такой атмосфере сложно сохранить лицо - Китани живёт с мыслями о мести; лишь она движет им, постепенно создавая скорее отрицательный образ главного героя. В конце повести сопереживаешь только солдату Сода.

Ясно видно, что Нома Хироси отчасти писал, основываясь на своём собственном опыте: социалистические взгляды, военный трибунал, заключение на относительно короткий срок — всё это общие черты Китани и самого писателя.

В 1954 году писатель принял участие в создании сборника «Оды

Сталина» (「スターリン讃歌」 - «санка сута-рин»), в который вошли его стихотворения «Звёздный шаг» (「星の歩み」 - «хоси-но аюми») и «Сталин» (「スターリン」 - «сута-рин»). Сборник был выпущен 15 марта 1954 года, ровно через год и 10 дней со дня смерти советского лидера, и был посвящён идеям коммунизма. Десять лет спустя, в 1964 году, был исключён из коммунистической партии из-за разногласий внутри партии (Нома Хироси был чересчур увлечён именно советским коммунизмом, что и вызвало конфликт).

В 1971 году получает литературную премию Танидзаки Дзюньитиро за роман «Мир юноши» (「青年の環」 - «сэйнэн-но ва»), который был опубликован ещё в 1947 году в журнале «современная литература» (「近代文学」 - «киндай бунгаку»). За тот же роман в 1973 году удостоивается литературной премии «Лотос» (「ロータス賞」 - «ро:тасу сё:»).

В 1974 году становится первым японским представителем «Ассоциации писателей стран Азии и Африки» (「アジア・アフリカ作家会議」 - «адзия афурика сакка кайги»).

В 1988 году получает премию газеты «Асахи» за вклад в послевоенную литературу (во многом - благодаря одноименному 14-томному сборнику его рассказов 「野間宏作品集」 - «нома хироси сакухинсю:»). Тремя годами позже писатель умирает от рака пищевода.

Нома Хироси внёс огромный вклад в развитие японской послевоенной литературы. Он был одним из самых ярких представителей японского социализма, который сильно повлиял на идеи антимилитаризма в Японии.

2.3.3 Оока Сёхэй

Другой писатель, внёсший вклад в японскую антивоенную литературу — Оока Сёхэй.

Родился 6 марта 1909 году в семье биржевого брокера и гейши. Как и Нома Хироси, Сёхэй учился на кафедре французской литературы университета Киото, который окончил в 1932 году. После этого работал в «Народной газете» (「国民新聞」 - «*кокумин синбун*»), однако проработал там всего год; в 1938 году был принят на работу переводчиком в одно из совместных японско-французских предприятий в Кобе. Увлекался творчеством Стендаля и переводил его на японский язык.

В 1944 году был призван на службу и опять же, как и Нома Хироси, отправлен на Филиппинские острова. В январе 1945 года сдался в плен армии США и был заточён в лагере военнопленных на острове Лейте. В декабре того же года, спустя три месяца после окончательной капитуляции Японии, сумел вернуться на родину. С возвращения и началась его карьера писателя. Оока Сёхэй вступает в послевоенное литературное общество «Сэнгоха» (「戦後派」). По рекомендации критика Хидэо Кобаяси он опубликовал описание пережитого им опыта в лагере военнопленных. Сочинение, названное «Записки военнопленного» (「俘虜記」 - «*фурёки*»), было издано в двух частях в 1948 и 1951 годах. Эта публикация принесла ему премию Ёкомицу Риити (「横光利一賞」 - «*Ёкомицу Риити сё:*») и создала репутацию одного из наиболее видных послевоенных японских авторов, наравне с Нома Хироси и Кайко Такэси. Тогда же, в 1949 году он становится преподавателем на кафедре французской литературы филологического факультета университета Мэйдзи.

В феврале 1952 года Оока Сёхэй публикует свою антивоенную повесть «Огни на равнине» (「野火」 - «*ноби*»), за которую удостоивается

премии «Ёмиури» в мае того же года (「読売文学賞」 - «ёмиури бунгакусё:»). Действия разворачиваются в 1945 году, незадолго до завершения войны. Повесть рассказывает о рядовом Тамуре, заболевшем туберкулёзом. Так как он из-за болезни становится обузой для своего отряда, ему приказывают пойти в военный госпиталь; там его не принимают, и солдат вынужден вернуться в часть. Но и в части сержант отказывается взять рядового обратно; он приказывает Тамура идти обратно в госпиталь, а если его там снова не примут — умереть: «Рано или поздно им придется позаботиться о тебе. А если нет... что ж, на этот случай у тебя есть ручная граната — умри достойно! По крайней мере, ты исполнишь свой долг перед родиной». Идти обратно бесполезно, и солдату ничего не остаётся, кроме как уйти. Тамура уходит в самоволку и начинает бесцельное скитание по Филиппинским островам. В ходе своих странствий рядовой встречается с другими «дезертирами», как и он сам: с больными, голодающими японскими солдатами, которые с каждым днём теряли свою человечность. Их жизнь уже давно превратилась в выживание. На своём пути рядовой встретится со многими ужасами войны — голодом, болезнями и каннибализмом — при этом не сделает ни одного выстрела по неприятелю. Вместо этого солдаты будут сражаться между собой - за еду и оружие, необходимое для выживания. В конце пути главный герой остаётся один и у него происходит провал в памяти. Герой очнулся только в американском госпитале для военнопленных. После окончания войны герой уходит в психиатрическую больницу в предместьях Токио. Там герой по настоянию врача записывает весь свой путь. Постепенно к Тамуре возвращается память: он вспоминает, как он попал в плен к американцам. В последней главе рядовой рассуждает о том, что есть Бог и о том, смог ли он сохранить свою человечность. Он приходит к положительному выводу, так как не ел убитых им людей —

убивать его заставила война, но голод не смог повлиять на Тамура; отказом от пожирания людей, которых он убил, герой доказал, что может делать свой выбор.

В повести широко исследуются проблемы экзистенциализма: «что есть человечность?», «что такое Бог», «почему мы вынуждены страдать и причинять страдания другим людям?». Оока Сёхэй мастерски использует приём «потока сознания».

Как и Нома Хироси, в «Зоне пустоты» отчасти описывающий свой опыт, Оока Сёхэй создал «Огни на равнине», основываясь на своих собственных впечатлениях (например, развития сюжета книги совпадают с реальной жизнью писателя территориально — Тамура, как и автор, тоже оказывается на острове Лейте). Повесть вызвала огромный резонанс в японском обществе; в 1959 году был снят одноименный кинофильм режиссёра Кона Итикава.

С 1953 по 1954 годы Оока работал в Йельском университете по стипендии Фулбрайта. В конце 1960-х Оока вернулся к событиям Тихоокеанской войны в документальном историческом романе «История сражения на Лейте» (「レイテ戦記」 - «Рэйтэ сэнки»). Помимо переводов французской литературы и создания художественных произведений, Оока посвятил себя написанию биографий Тюи Накахары и Таро Томинаги, японских поэтов начала XX века. Монография «Накахара Тюя» в 1974 году была удостоена премии Нома (「野間文芸賞」 - «Нома бунгэй сё:»¹⁵). В январе 1976 года удостоивается премии «Асахи», а в марте 1978 году - премию союза японских фантастов (「日本推理作家協会賞」 - «нихон суйри сакка кё:кай сё:»). 25 декабря 1988 года писатель погибает от инсульта.

Оока Сёхэй, наряду с Хаяси Фумико и Нома Хироси, стал одним из

¹⁵Данная премия присуждается ежегодно с 1941 года в соответствии с завещанием **Сэйдзи Нома**, основателя издательского дома «Коданся» - не путать с Нома Хироси, к нему данная премия отношения не имеет.

самых видных послевоенных японских писателей. Он описывает ужасы войны в невероятно реалистичной манере, заставляя читателя её ненавидеть. Этим он вносит вклад в развитие японской антивоенной японской литературы.

Глава 3

Японская литература о последствиях войны

В предыдущих двух главах были рассмотрены два популярных течения японской литературы первой половины XX века: японская милитаристическая литература, направленная на воспевание силы японского оружия в сражениях с врагом, которая, помимо всего прочего, агитировала молодых японцев идти на войну и «служить императору кровью», и антивоенная литература, восхваляющая гуманистические ценности, отображающая ужасы войны и призывающая людей не отдавать свои жизни в угоду милитаризму.

В этой главе будет рассмотрена японская послевоенная литература, главным образом литература, показывающая последствия войны для Японии. Несмотря на то, что некоторые антивоенные и антимилитаристические повести, изданные только после войны («Зона пустоты» Нома Хирочи, «Огни на равнине» Оока Сёхэй и другие), были описаны в предыдущей главе, важно понимать, что эти произведения рассказывали о Второй Мировой войне, поэтому к главе «послевоенная литература» я их не отношу. Литература, рассказывающая о событиях Второй Мировой войны, в данной главе затрагиваться будет только поверхностно. Нужно отметить, что при милитаризме эти повести просто не могли быть изданы, поэтому появились только после исчезновения этого режима.

3.1 Типы послевоенной литературы

Итак, 2 сентября 1945 года, капитуляция Японии. Армия разбита, страна оккупирована, император официально опровергает свой священный статус. Начинается процесс японской демократизации под руководством оккупационных властей и лично главнокомандующего союзными оккупационными войсками Дугласа Макартура.

Группы писателей, во время «Эпохи мрака» агитировавшие солдат идти на фронт, как уже было замечено в первой главе, расформировались ещё в 1944 году. После капитуляции Японии у них не было и шанса возобновить свою деятельность; более того, некоторые из них, например, Токутоми Сохо, были взяты под наблюдение оккупационными войсками как военные преступники.

Стало публиковаться большое количество рассказов и повестей о ужасах войны и о тирании милитаристического режима, их большая часть была опубликована в первую десятилетку после капитуляции.

Другие же писатели не стали возвращаться к ужасам войны и милитаризма, но решили вскрыть описать их последствия.

Таким образом, появляется четыре типа послевоенной литературы:

1. Анализирующая. Литература, направленная на анализ причин, по которым страна скатилась в «милитаристический угар». Типичные проблемы, над которыми размышляли писатели в данном течении: «Почему Япония вообще ввязалась в войну?», «К чему мы пришли?», «Могли ли мы предотвратить это?». Произведения отображают антигуманную сущность войны и ничтожность людей, которые её развязали. К авторам относятся такие писатели, как Сиина Риндзо и уже упомянутый Нома Хироси. Данный тип послевоенной литературы появился сразу после окончания войны осенью 1945 года и был популярен вплоть до 1948 года.

2. Литература об атомной бомбардировке (「原爆文学」 - «гэнбаку бунгаку»). Рассказывает о последствиях атомной бомбардировки Японии, о том, как эти события навсегда изменили жизнь пострадавших. Собираательный образ главного героя подобных произведений — молодой парень из Токио, не знающий ужасов войны, беззаботный и легко идущий по жизни. Он приезжает в Хиросима (или другое место, которое было поражено радиацией) и знакомится с людьми, которые пострадали от облучения. Он познаёт их горе и сопереживает им, попутно размышляя о войне и переосмысляя свой образ жизни. Литература об атомной бомбардировке представлена такими писателями, как Ариёси Савако («Ночной собеседник») и Оэ Кэндзабуро («Хиросимские записки»).
3. Пролетарская послевоенная литература. После окончания «демократии Тайсё:» (1932 год) большая часть пролетарской литературы была запрещена. После войны это течение возродилось. Подчёркивался консерватизм японского общества, который мешает ему восстановиться после войны, отображалась необходимость менять страну изнутри для преодоления кризиса; часто были призывы к эмансипации, к полному отказу от иерархичности общества, к увеличению индивидуализма. Главная идея, которую пытались донести авторы: «Нужно изживать феодальные пережитки в обществе». В становлении этого течения участвовали такие писатели, как Миямото Юрико (главным образом, повести «Равнина Бансю» и «Придорожная трава»), Токунага Сунао («Спи с миром, жена») и Накано Сигэхару.
4. Молодёжная литература об американцах. Смысл данного течения состоял в том, чтобы показать, что, несмотря на войну и оккупацию, японская молодёжь не должна повторять ошибок предков и

сосуществовать с оккупантами мирно. Как правило, показывается преодоление барьера в общении молодых японцев и американцев, их способность к взаимопониманию и преодолению конфликтов. Ярким представителем таких писателей является Соно Аяко, написавшая в 1954 году новеллу «Заморские гости».

3.2 Соно Аяко

Одной из самых успешных писательниц, которые внесли вклад в развитие послевоенной литературы и указали на необходимость преодолеть последствия войны и оккупации, стала Соно Аяко.

Писательница родилась 13 сентября 1931 года в семье предпринимателя в Токио. После окончания начальной школы она поступила в женскую католическую школу (「聖心女子学院」 - «Сэйсин Дзёси Гакуин»). Во время войны её семья была эвакуирована в город Канадзава, который является административным центром префектуры Исикава. После окончания войны семья возвращается в Токио. В 1948 году Соно Аяко принимает христианство. Это решение впоследствии сильно повлияет на её жизнь и творчество. Именно поэтому в её творчестве отражается христианская тематика, преобладают нравственные конфликты современного японского общества¹⁶. В 1950 году Соно Аяко поступает в женский католический университет (「聖心女子大学」 - «сэйсин дзёси дайгаку») на отделение английского языка филологического факультета, где начинает серьёзно заниматься литературой. Она пишет для журнала «Новая мысль» (「新思潮」 - «синситё:»). В этих начинаниях её поддерживает другой участник этого журнала Миура Сюмон, за которого Соно Аяко выходит замуж в 1953 году. Миура Сюмон также был известен тем, что принадлежал к литературной группе «Третьи новые»

¹⁶Бреславец Т.И. Уроки сострадания. Творчество японской писательницы Соно Аяко. — СПб. : Издательство Гиперион, 2006. — 21 с. С. 3.

(「第三の新人」 - «дайсан-но синдзин»), в которую также входили такие писатели, как Эндо Сюсаку, Ёсиюки Дзюнносукэ и Кодзима Нобуо. К этой группе также часто причисляют и саму Соно Аяко. В 1955 году у них с Миура Сюмон рождается сын Таро.

Известный литературный критик того времени Ямакава Масао даёт молодой писательнице рекомендацию для журнала «Мита бунгаку» при университете Кэйо (「三田文学」). В апрельском номере этого журнала в 1954 году Соно Аяко публикует новеллу «Заморские гости», которая сразу захватывает популярность и номинируется на премию Акутагава. Именно данному произведению Соно Аяко обязана своими дальнейшими успехами.

«Заморские гости» — это небольшая новелла, рассказывающая о жизни японцев и нескольких американских солдат и их семей, их взаимоотношениях. Действия разворачиваются летом 1948 года в гостинице рядом с горячими источниками в Хаконэ. В центре повествования — девятнадцатилетняя девушка Намико, работающая в отеле, где располагается корпус американских военных. Соно Аяко описывает её взаимоотношения с другими японцами, работающими в отеле, и с американцами и их семьями.

Сюжет практически не развивается, можно даже сказать, что он практически отсутствует: писательница создаёт тихую и мирную атмосферу гостиницы в послевоенной Японии, описывает повседневность. В гостинице все готовятся к визиту Хелен Келлер¹⁷ (в переводе И.Львовой — Эллен Келлер); на этом большая часть действия заканчивается.

Вместо сложно построенного сюжета Соно Аяко занимает читателя

¹⁷Хелен Келлер - 27 июня 1880 - 1 июня 1968 - американская писательница и политический деятель; в результате тяжёлого заболевания утратила зрение и слух в 12 лет. Внесла огромный вклад в расширение прав людей с ограниченными возможностями.

хорошо прописанными образами героев. Герои чётко делятся на «старшее» и «молодое» поколение, присутствует ярко выраженная проблема отцов и детей.

Молодое поколение представляют главная героиня Намико и унтер-офицер Роуз. Соно Аяко описывает их как простодушных и относительно беззаботных молодых людей. Несмотря на послевоенные трудности, они, стараясь забыть о войне и разногласиях прошлого, смотрят в будущее. Также есть работник бюро в отеле Хамая Дзюн (которого все зовут уменьшительным именем «Дзюн-тян»), ему всего 27 лет. Он предстаёт молодым человеком, который не высказывает своего мнения и уже ни к чему не стремится: «Я давно уже махнул на себя рукой...», — отвечает он Намико, когда она спрашивает парня о его жизни после войны.

Старшее же поколение размышляет о будущем, опираясь на опыт прошлого. Это поколение в новелле представляют капитан Линч, главный военный в корпусе, суровый и жёсткий человек, капитан Диорио, военный врач, прикомандированный к отелю, а также Сакагути-сан, бывший служащий авиации императорской армии Японии и Кибэ-сан, работница отеля, потерявшая на войне мужа и дочку. Этим людям исключительно сложно забыть войну и преодолеть сложности, с которыми приходится сталкиваться в послевоенное время. Так, когда капитан Линч из-за разбитой витрины избивает Роуза, Намико приходит в негодование: «Этот капитан Линч — дурак! Каким бы никчемным ни был Роуз, я прекрасно приспособила его хотя бы для раскраски плакатов... Ведь это глупо — причинить ему такое увечье, чтобы он вовсе не мог работать!...». На это Сакагути-сан, повидавший немало крови на войне и неспособный забыть её ужасы, отвечает: «Теперь все говорят - бить нехорошо, скверно и так далее, но во время войны это было все равно, что сходить в сортир, — тут уж некогда раздумывать, хорошо это или плохо, нужно или не нужно... Да

в любой армии бьют!»).

Намико замечает, что Сакагути-сан и капитан Линч в чём-то похожи. Они оба прошли через войну, вследствие чего стали угрюмыми и в какой-то степени жестокими людьми.

В отличие от них, военврач Диорио смог остаться довольно мягким человеком. Он заступается за Роуза, когда капитан Линч его избивает. Диорио также помогает Намико и другим японцам медикаментами, даже несмотря на понимание того, что некоторые, притворившись больными, берут лекарства, а потом перепродают: «Ну что ж, пусть продают... Но все-таки, если болеешь по-настоящему, нужно прежде всего стараться выздороветь». У них с Намико завязываются дружеские отношения, но девушка в довольно отрицательном ключе размышляет о роли капитана в армии: «Для Соединенных Штатов Америки капитан — человек бесполезный. В нем явственно сочетаются слабость постороннего зрителя и душевное бессилие брезги. Именно эта его слабохарактерность рождала здесь, в побежденной стране, приятную иллюзию, будто он понимает нас, будто между нами есть что-то общее».

С капитаном Линчем же, из-за его суровости, у Намико дружеские отношения не складываются, но девушка глубоко внутри вынуждена признать его «энергию в американском стиле»: «Капитан Линч - герой! Теперь я поняла, почему ваша страна выиграла войну. Он настоящий американец! Американец в самом реальном виде!».

Исследователь Микаэль Моласки считает данное произведение совершенно аполитичным, поскольку его персонажи преодолевают различия своей национальной принадлежности и «пребывают в одном измерении просто потому, что все они человеческие создания»¹⁸. И в самом деле, Соно Аяко наделяет всех персонажей, как американских так и

¹⁸Бреславец Т.И. Уроки сострадания. Творчество японской писательницы Соно Аяко. — СПб. : Издательство Гиперион, 2006. — 21 с. С. 6.

японских, индивидуальными чертами, избегая таким образом сложившихся стереотипов.

Новеллу «Заморские гости» можно смело отнести к разделу «Послевоенная молодёжная литература об американцах». В ней показано мирное сосуществование двух совсем ещё недавно враждовавших наций, их попытки найти точки соприкосновения и взаимопонимания.

Несмотря на распространение идеи пессимизма, отчуждения и безысходности, которые нашли признание в послевоенной модернистской литературе, Соно Аяко, как писатель-гуманист, смогла создать новеллу, сосредоточенную на раскрытии духовных сил личности, анализе её внутренних психологических конфликтов и исследовании общественного сознания.

3.3 Ариёси Савако

Следующая писательница, к которой необходимо обратиться для раскрытия темы литературы о последствиях войны, — это Ариёси Савако.

Ариёси Савако родилась в префектуре Вакаяма 20 января 1931 года в семье представителей среднего класса. Её отец работал в банке, увлекался творчеством таких писателей, как Нацумэ Сосэки и Арисима Такэо. Именно благодаря отцу Ариёси Савако заинтересовалась литературой; помимо Нацумэ Сосэки и Арисима Такэо ей нравились Кикути Кан и Мори Огай.

Детство с 1937 по 1941 гг. она вместе с семьёй провела на острове Ява. По возвращении в Японию стала увлекаться театром Кабуки, который также сильно повлиял на её творчество.

После окончания войны поступает в Токийский христианский университет для женщин (「東京女子大学」 - «*то:кё: дзёси дайгаку*») и, спустя некоторое время, как и ранее упомянутая Соно Аяко, принимает христианство, после чего едет в США и изучает западное театральное

искусство¹⁹.

Начиная с середины 1950-х годов набирает недюжинную популярность в литературных кругах. Часто публикуется в «бунгакукай», пишет повести и рассказы в совершенно разных жанрах и течениях, начиная с семейной саги, такой как «Река ки-но кава» (「木の川」) и заканчивая литературе об атомном взрыве (「原爆文学」 - «гэмбаку бунгаку»), представителем которой является рассказ «Ночной собеседник». Помимо всего прочего практически создаёт свой собственный жанр «роман факта» — то есть описание жизни реально существовавших исторических лиц (не исключено, что с небольшой примесью выдумки). Представителями этого жанра являются такие произведения, как «О-Куни из Идзумо» и «Жена лекаря Ханаока Сэйко». Для написания подобных работ писательница проводила много исследований, тщательно анализировала историческую составляющую времени, когда жили те или иные герои.

Такой же скрупулёзный подход она использовала и для написания произведения, о котором я хочу рассказать в данной работе. Это произведение — повесть «Дважды рождённый».

Действие повести начинается примерно в 1969 году, спустя 24 года после окончания войны. Повествование ведётся от первого лица. Главный герой как бы «ведёт с читателем диалог», предугадывая вопросы и отвечая на них. В центре событий — японец средних лет по имени Сигэ. Он является выходцем из крестьянской семьи, во время войны прошёл через все ужасы фронта, был взят в плен, а по возвращении в Японию сумел подняться в люди и открыть (хотя скорее унаследовать) свою мастерскую по производству таби²⁰. Разговор, как можно понять, с клиентом, который

¹⁹Иванова Ю.В. Проблематика творчества японской писательницы Ариёси Савако. - Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. - С. 13.

²⁰Таби — традиционные японские носки.

недавно вернулся из Юго-восточной Азии, где и служил главный герой, наводит Сигэ на воспоминания о войне. Так он начинает свой рассказ.

В юности, ещё мальчишкой, Сигэ работал в мастерской по изготовлению таби. Мастерская была довольно высокого класса, и клиенты тоже частенько встречались из элиты. Мальчик привык различать людей по «типу ног»; форма ступней казалась ему не менее важной, чем черты лица или тон голоса. Образование он смог получить только начальное. С хозяином мастерской отношения были скорее прохладными, как у начальника и подчиненного, ни больше ни меньше. К дочери хозяина, однако же, главный герой всегда испытывал привязанность; она всегда казалась ему каким-то недостижимым идеалом, которого ему никогда не достичь.

Перед нападением на Пёрл-Харбор Сигэ призывают в армию, и парень попадает в военно-морской флот. Учения проходят на военной базе в Ёкосука; Ариёси Савако показывает суровую атмосферу японской императорской армии, где за малейшую оплошность рядового солдата могли жестоко избить. После начала войны главный герой попадает на военный эсминец, на котором ходит в сражения следующий год и получает звание старшины. После того, как его корабль в результате бомбардировки потопили, он примерно 4 дня с другими 15 матросами дрейфовал в открытом море на небольшой доске, пока их не подобрал другой японский корабль.

Второй корабль, на который распределили Сигэ, также был потоплен. Выжившие в числе 200 человек спасаются и высаживаются на острове где-то в Новой Гвинее, где проводят следующие 4 года. Понемногу у некоторых матросов от голода начинается безумие, другие же стараются держаться. На этом острове весь милитаристический настрой, который яростно выражали некоторые солдаты, пропадает: «С

голоду подохнем, а наверняка скажут: пали смертью храбрых, - теперь солдаты спокойно вели подобные разговоры, и никто их за это не бил». Когда на остров прибывают австралийские военные, все японцы добровольно сдаются в плен; лишь один из них покончил с собой, да и то скорее от страха, нежели из патриотических настроений.

В плену главный герой знакомится с другим тоже чудом выжившим солдатом по имени Судзуки, который воодушевляет Сигэ словами: «Вот мы с тобой дважды рожденные, что называется везучие. Теперь уж не умрем! Не знаю, что там с Японией, а я живой! Быть при смерти и выжить — это ведь чудо! Так неужели пропадем?».

После возвращения в Японию в 1946 году парень возвращается в свою родную деревню. Ариёси Савако ярко описывает послевоенную разруху и крах прежней социальной системы. Самый красочный пример выражает встреча главного героя со своим прежним работодателем и его семьёй. Теперь все они примерно равны, все как один вынуждены отстраивать страну и преодолевать послевоенные тяжести. Главный герой готов бороться с невзгодами и двигаться вперёд, даже после всего, что он пережил. «А мы ведь, господин, с вами дважды рожденные. Если хотите знать, все японцы, те, кто выжил, дважды рожденные. Так неужели сейчас пропадем? Ни пуля меня на войне не взяла, ни море, ни малярия. И вы, господин, можно сказать, живым из огня выскочили. Так что надо бодриться», - говорит он своему бывшему работодателю.

Но не все готовы восстанавливать то, что было утрачено: «Ты только что с фронта вернулся и снова готов воевать — это боевой дух в тебе жив. А Япония ведь разбита, Сигэ-дон... его императорское величество к простым смертным приравниали. Но если августейший всего-навсего человек, то кто же мы тогда?», — размышляет хозяин мастерской таби в ответ на полные веры в светлое будущее речи Сигэ.

В итоге, Сигэ помогает восстановить мастерскую и женится на дочери хозяина. Хозяин недоволен - он считает, что негоже его дочери выходить замуж за крестьянского сына, как он полагает, из бедности, но в последний год своей жизни он всё-таки благословляет молодых. Сигэ женится по любви и получает в наследство мастерскую.

Повесть отлично передаёт атмосферу послевоенной Японии с разрушенными социальным строем и идеалами. Однако, как показывает главный герой, нет ничего, что нельзя было бы восстановить - нужно только верить в лучшее, приложить старания - и ошибки прошлого, а вместе с ними и разруха настоящего, не станут преградой для создания счастливого будущего. В конце концов, если бы не война, то его брак, скорее всего, был бы невозможен. Как говорится, 「不幸中の幸い」 - *«фуюко:тю:-но сайвай»* — не было бы счастья, да несчастье помогло.

3.4 Оэ Кэндзабуро

Другой писатель, который рассказывает о последствиях войны для Японии — Оэ Кэндзабуро.

В рассказе «Семнадцать» Оэ Кэндзабуро в свойственной ему депрессивной манере описывает грехи и пороки, вскрывает язвы послевоенной молодёжи послевоенного времени. Он рассказывает о молодых людях, не имеющих какой — либо определённой цели, ни к чему не стремящихся, не способных найти своё место в жизни, от чего и страдающих. Ещё сильнее на них давит послевоенная атмосфера, позор Японии от поражения и оккупации, неспособность защитить свою страну от потенциальных противников (например, Кореи или Советского Союза). Такая молодёжь чувствует себя слабой и беспомощной. Но вдруг, совершенно внезапно появляется идеал, которому нужно следовать, идеал, с помощью которого можно найти самого себя. Для главного героя этим идеалом и становится «патриотизм». Конечно, понятие «патриотизм» в

данном случае весьма искажено, и сам Оэ Кэндзабуро смотрит на своего героя с иронией и критикует его²¹.

Новелла «Семнадцать» рассказывает об обычном японском подростке, чья юность приходится на послевоенное время. Повествование начинается в день его семнадцатилетия. С самых первых строк можно заметить, что Оэ Кэндзабуро придерживался стиля «натурализм» при написании этого произведения. Во всю фигурируют подробности личной жизни главного героя: злость, агрессия, нехватка общения с противоположным полом, самоудовлетворение, желание быть в чём — либо выдающимся, при этом будучи неспособным это желание реализовать, комплексы. Все эти факторы развивают в парне ненависть к обществу в целом. Главный герой недоволен родителями, старшим братом, работающим в компании, сестрой, подрабатывающей в военном госпитале. Но главное, что его раздражает — состояние послевоенной Японии. Может показаться, что в чём — то главный герой ассоциирует себя с поражённой и униженной Японией: неспособность на самозащиту, слабость, зависимость от других стран (в частности, США), отсутствие своей армии.

На почве политических распрей парень начинает спорить со своей старшей сестрой. Он критикует современное японское правительство, подчёркивает его несостоятельность и зависимость от США, выражает недовольство по поводу вопроса оккупации Японии, говорит о бессмысленности «Отрядов самообороны» (SDF, Self Defense Forces), обвиняет всё японское правительство и, в особенности, наследного принца, в воровстве в виде налогов. Его сестра не согласна: она считает, что правительство делает в своих силах всё, что может, и что присутствие

21Бушмакин Вадим - «Патриотизм» Мисима Юкио и «Семнадцать» Оэ Кэндзабуро: Главный персонаж как наблюдатель и наблюдаемый // Канадзава: университет Канадзава, отдел социологических наук: 2012. — С. 93.

американских военных на территории Японии на данный момент необходимо. Она аргументирует это тем, что если американцы свернут свои базы, то обязательно кто-нибудь другой оккупирует Японию ввиду неспособности последней защититься. Она подчёркивает, что на данный момент войска США играют важную роль в защите Японии, нравится это главному герою или нет. Более того, военные базы обеспечивают работой многих молодых японских парней. Старшая сестра главного героя замечает, что, разумеется, лучше бы на японской земле не было военных баз. Но на данный момент это невозможно. Её брат не может найти подходящего аргумента, чтобы ответить, поэтому начинает просто обвинять её в наивности. В конце концов, он проигрывает спор своей сестре, которую считает неудачницей. Это жутко расстраивает его, и главный герой пускает в ход кулаки.

После такого, разумеется, на хорошие отношения с семьёй даже и надеяться не стоит, так что он уходит на ночь спать в сарай. Главный герой достаёт старый японский меч, выкованный в конце эпохи Муромати, «Райкокуга» (буквально «Японский клык»). Он представляет себя японским солдатом, который когда-нибудь сразит этим мечом своего врага. А кто же этот враг? Отец, старшая сестра, американский солдат, японский служащий «SDF», политик... неважно.

Далее идёт рассказ о следующем дне в жизни главного героя. Оэ Кэндзабуро в подробностях рассказывает о его школьной жизни — неудачи в учёбе, в спорте, отсутствие нормальных друзей. Словом, главный герой предстаёт круглым неудачником.

Как-то раз главный герой получает приглашение от своего школьного приятеля на митинг, который проходил недалеко от станции «Синагава». Во главе митинга стоит Сакагибара — член ультраправой антикоммунистической группировки (уёку). В своей речи он проявляет

ненависть к СССР и Китаю, к коммунистическому режиму в целом, он осуждает японцев, которые ведут дела с коммунистическими странами. Сакагибара утверждает, что Япония должна сама принять участие в войне с коммунизмом. Также он говорит о святости Императора и императорской семьи, неприкосновенности японской земли и прочем. При этом он напрочь забывает, что именно правительство США вынудило Императора оказаться от своего «божественного» происхождения, а вопросы оккупации и зависимости от США он даже не поднимает. Сакагибара настаивает, что Япония сейчас стоит на стороне капитализма и должна бороться с коммунизмом.

Главный герой очарован идеей этой слепой ненависти — в ней он находит себя. Он вступает в ультраправую организацию, посредством чего набирается самоуверенности, начинает чувствовать себя в самом деле способным что-либо изменить. Он внезапно пропитывается любовью к Императору (даже называет его «Его светлость Император») и к его семье, хотя до этого яро критиковал их; его отношение к США меняется на нейтральное, ведь формально они с Японией союзники. Парень гордится своим новым «положением» — теперь он участник ультраправой организации. Участвуя в различных стычках, он считает себя «защитником страны» и «патриотом». Это помогает ему перестать осознавать себя как неудачника. Он связывается с опасной компанией, участвует в драках. Это заканчивается многочисленными арестами.

Такой «патриотизм» является ложным. Оэ Кэндзабуро показывает, что для главного героя вся эта «любовь к Родине и к Его Величеству Императору» - не более, чем способ самоутвердиться, потешить самолюбие, проявляя ненависть к несуществующим врагам. Такой писатель выставляет послевоенную воинственно настроенную молодёжь — глупой, неудачливой, агрессивной, легко поддающейся влиянию со

стороны.

Оэ Кэндзабуро описывает вполне реальную молодёжь. Эти группировки в самом деле существовали - «Уёку дантай» 「右翼団体」- «ультраправые националистические организации», отличающиеся насилием и агрессией. Впервые такие группировки появились после появления «чёрных кораблей» Мэтью Перри в Японии и подписания первых неравноправных договоров. После того, как сёгун Токугава Иэсада 31 марта 1854 года положил конец самоизоляции Японии, влияние многих сторонников императорской фракции усилилось. Негодование по поводу неравноправных договоров возрастало, недовольные начали объединяться в группы. Так появились первые националистические группировки в Японии.

После краха Японской Империи большинство националистических группировок было расформировано. Несмотря на это, во время холодной войны многие ультраправые группировки вновь начали появляться. Часто они имели антикоммунистический характер, за счёт чего к их помощи нередко прибегали оккупационные власти. Многие группировки имели тесные связи с организованной преступностью. Таким образом, базовой позицией ультраправого движения времен Холодной войны стало: «Стремиться к восстановлению императорского строя, с признанием авторитета Белого дома». В течение Холодной войны ультраправые группировки ядром своей идеологии провозгласили борьбу с левыми движениями и выступали за солидарность с США и Южной Кореей в борьбе с коммунистическими странами, прежде всего СССР, КНР и КНДР. В одну из таких группировок и попадает главный герой.

Заключение

Понятие «патриотизм» появилось в японской литературе только в начале периода Мэйдзи. До этого произведения на данную тематику были представлены только военно-феодальным эпосом «*гунки моногатари*», где описывалась война между кланами и «локальный» патриотизм, то есть воспевание доблести и мощи своего клана в противовес другим.

В эпоху Мэйдзи Япония развернула активную внешнюю политику, из-за чего возникло много конфликтов с другими странами. Многие писатели воспевали мощь японского оружия против других стран, например Кореи и Китая. Сначала эта тематика была представлена только в поэзии. Первопроходцами стали профессор Токийского университета Тояма Тюдзан, и одни из первых реформаторов хайку Отиаи Наобуми и Ёсано Тэккан. Конечно, эти писатели яро поддерживали милитаристическую и завоевательную политику Японии. Для многих стартом к написанию патриотической поэзии послужила первая Сино-японская война.

Позже, начиная с Русско-японской войны, начался прилив антимилитаристической литературы. Писатели описывали все ужасы войны, подчёркивали, что в войне нет ничего «славного» и «доблестного», фокусировали внимание на бессмысленности военных действий и жертв молодых парней, которые даже жизни ещё не видели. Развивались принципы гуманизма, для многих писателей, таких как Ёсано Акико и Киносита Наоэ, «духовным наставником» стал Л.Н.Толстой. После японской интервенции в Сибири автор Куросима Дэндзи, основываясь на своём собственном военном опыте, написал ряд рассказов, в которых призывал людей отказаться от войны и кровопролития; в некоторых

произведениях присутствовали призывы к неисполнению приказов командования. Во время Второй Мировой войны такие авторы, как Оока Сёхэй и Нома Хироси, осуждали военный режим, а в своих антимилитаристических произведениях, сюжет которых построен на их собственном опыте, показывали разрушающее и опустошающее влияние милитаристического режима на страну. К антивоенным же произведениям относятся такие труды, которые фокусируются непосредственно на ужасах самой войны, а не режима. Например, «На передовой» Хаяси Фумико.

После Второй Мировой войны появилось большое количество литературы, направленной на анализ и осмысление войны, рассуждения о том, как эти события повлияли на Японию и о том, как в дальнейшем построить «новую Японию» без милитаризма.

Список использованной литературы

Художественная литература

1. Куросима Дэндзи. *Сори*. (黒島伝治。櫟。筑摩書房出版社、東京、1971。) — Сани. — Токио: Издательство «Тикумасёбо:», 1971. — 18 с. (оригинал - 1925).
2. Нома Хироси. *Синку: титай*. (野間宏。真空地帯。岩波書店出版社、東京、1952。) — Зона пустоты. — Токио: издательство «Иванами сётэн», 1952. — 243 с.
3. Оока Сёхэй. *Ноби*. (大岡昇平。野火。新潮社出版社、東京、1951。) — Огни на равнине. — Токио: издательство «Синтё:ся», 1951. — 182 с.
4. Оэ Кэндзабуро:. *Сэбунти:н*. (大江健三郎。セブンティーン、新潮社出版社、東京、1961。) — Семнадцать. — Токио: издательство «Синтё:ся», 1961. — 42 с.
5. Соно Аяко. *Энрай-но о-кякутати*. (曾野綾子。遠来のお客たち。角川書店出版社、東京、1983。) — Заморские гости. — Токио: издательство «Кадокава», 1983. — 298 с. (оригинал - 1954)
6. Таяма Катай. *Иппэйсоцу*. (田山花袋。一平卒。岩波書店出版社、東京、2002。) - Рядовой. — Токио: издательство «Иванами сётэн», 2002. — 14 с. (оригинал — 1904).
7. Хаяси Фумико. *Сэнсэн*. (林芙美子。戦線。ゆまに書房出版社、東京、2000。) — На передовой. — Токио: Издательство «Юмани», 2000. — 228 с. (оригинал - 1938).

Научная литература

На русском языке

8. Бреславец Т.И. Уроки сострадания. Творчество японской писательницы Соно Аяко. — СПб. : Издательство Гиперион, 2006. — 21 с.
9. Долин А.А. История Новой японской поэзии в очерках и литературных портретах. — СПб.: Издательство Гиперион, 2006. — 416 с.
10. Долин А.А. Багряные пионы. Шедевры поэзии танка серебряного века. — СПб.: Издательство Гиперион, 2000. — 384 с.
11. Ицуро С. Современные японские мыслители / Перевод А.А.Бабинцева и Д. П. Бугаевой. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 360 с.
12. Курахара К. Статьи о современной японской литературе / Редакция перевода и примечания Н.И. Фельдман. - М.: Издательство восточной литературы, 1959. — 212 с.
13. Поспелов Б. В. Очерки философии и социологии современной Японии. - М.: Издательство «Наука», 1974. — 303 с.
14. Сулейменова А.М. Модернизация японской поэзии традиционных форм. — Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 2008. — 299 с.
15. Сулейменова А.М. Военные дневники Хаяси Фумико // Проблемы литератур Дальнего Востока Том 2. — СПб.: Издательство НП-Принт, 2014. — С. 417-426.

Статьи

На японском языке

16. Бушмакин Вадим. *Мисима Юкио-но «айкоку» то Оэ Кэндзабуро:-но «Сэбунти:н»: миру сюдзинко:-то мирарэру сюдзинко: //* Канадзава дайгаку дайгакуин нингэн сякай канкё: кэнкю:. - (ブシマキンバジム。三島由紀夫の『憂国』と大江健三郎の『セヴンティーン』: 見る主人公と見られる主人公 // 金沢: 金沢大学大学院人間社会環境研究, 2012) - «Патриотизм» Мисима Юкио и «Семнадцать» Оэ Кэндзабуро: Главный персонаж как наблюдатель и наблюдаемый // Канадзава: университет Канадзава, отдел социологических наук, 2012. — С. 87-99.
17. Танака Хироаки. *Гэндай Нихон-но айкокусюги-токосумопоритаридзуму — кэмпо: — кё:ику — рэкиси — (1) //* Миядзаки: Миядзаки ко:рицу дайгаку дзинбунгакубу. - (現代日本の愛国主義とコスモポリタニズム(1): 憲法・教育・歴史 // 宮崎: 宮崎公立大学人文学部, 2005) - Патриотизм и космополитизм в современной Японии — конституция — образование — история — (1) // Миядзаки: государственный университет Миядзаки, факультет гуманитарных наук, 2005. — С. 99-118.
18. Танака Хироаки. *Гэндай Нихон-но айкокусюги-токосумопоритаридзуму — кэмпо: — кё:ику — рэкиси — (2) //* Миядзаки: Миядзаки ко:рицу дайгаку дзинбунгакубу. - (現代日本の愛国主義とコスモポリタニズム(2): 憲法・教育・歴史 // 宮崎: 宮崎公立大学人文学部, 2005) - Патриотизм и космополитизм в современной Японии - конституция — образование — история — (2) // Миядзаки:

государственный университет Миядзаки, факультет гуманитарных наук, 2005. — С. 127-148.

Приложение

Практическая часть

Перевод повести Куросима Дэндзи «Сани»

Куросима Дэндзи

Сани

Глава 1

Дул холодный ветер, от которого замерзал нос.

Деревня была полностью покрыта сугробами: и деревья вдоль дороги, и холмы, и дома. Не было ничего, кроме ослепляющего своей белизной снега.

Перед фермерским домом в центре холма стояли сани. Из комнаты, которая совмещала в себе и гостиную и столовую, послышался голос японца, неумело и грубо разговаривающего на русском:

— Холодно... эй ты, входи!

Открылась дверь, и в дом вошла женщина в обуви на низком каблуке.

Кучер сидел в санях по пояс в сене и ёжился от холода. Он был молод и невысок ростом. От инея его щёки и кончик носа покраснели.

— Спасибо.

— Давай, входи.

— Спасибо.

Однако молодой кучер ещё больше зарылся в сено, пытаясь сделать

всё возможное, чтобы ветер не продувал его одежду, и совсем не собирался выходить из саней.

Выдыхая пар из ноздрей, лошадь с прикрытыми от снега глазами смиренно ждала, пока из дома выйдет чиновник японского правительства.

Пар сразу замерзал, когда лошадь выдыхала его, и превращался в иней. Затем шерсть и кожа на морде лошади белели, как будто были в сахаре.

Глава 2

Старик по имени Пётр и не пытался ответить чиновнику. У чиновника была щетина на щеках и подбородке. Он говорил высоким и громким голосом, как будто хотел превысить свою значимость. Разговаривая на русском и с этой женщиной, и с другими людьми, чиновник всегда обращался к ним фамильярно, на «ты», даже когда это было неуместно. Видимо, он выучил русский язык устно, на самом примитивном уровне, и не умел говорить грамотно.

— Наверное, война.

— О нет! — сказал Иван своему младшему брату, когда услышал разговор чиновника со своим отцом. Глаза чиновника быстро заблестели.

— Мы будем доставлять продовольствие и обмундирование в батальон.

— А что, для того, чтобы доставить эти вещи необходимо так много саней? — спросил Иван.

— Ещё бы. В батальоне очень много солдат, и каждому нужно что-то носить и чем-то питаться, — ответил чиновник.

У Петра было двое саней, и японец собирался использовать их для военных нужд. «Я заплачу, сколько хочешь», — произнёс он.

Пётр не испытывал тёплых чувств по отношению к японским

военным. Более того, он ненавидел и презирал их. Они без какой-либо причины обыскивали его дом. Говоря, что заплатят, как будто так и надо забрали двух свиней, которые вот-вот должны были опороситься. Испортили посев. Они всегда воевали неподалёку и могли заявиться в любой момент. Даже когда не было причины, Пётр только и делал, что проклинал японцев, прибывших в Сибирь.

По приказу из батальона чиновник во время обхода крестьянских домов должен был наблюдать за проявлениями ненависти, которую крестьяне испытывали к японским военным, и за их даже самой малой и незначительной деятельностью. Один крестьянин даже открыто показал своё отношение к японцам. Однако таких «прямолинейных» людей было достаточно мало. Большинство не выражало своё презрение к оккупантам открыто, но вместо этого всячески пренебрегало их требованиями, даже когда им платили: если у крестьян просили подкову, то они отдавали самую непрочную, а когда японцы требовали лошадь, то получали самую больную. Однако чиновник, всегда тонко анализирующий своего собеседника, сразу понимал, пытаются его обмануть или нет. А затем, подстроившись под обстоятельства, продолжал разговор. Всё, что связано с войной, он пытался всячески держать в тайне.

После пятнадцатиминутной беседы он заставил Петра отдать ему двое саней, а его двух сыновей — отвести сани в батальон.

— Ну, как соберёшься, приезжай в часть, — сказал чиновник.

— Эй, подожди. Ты бы сначала заплатил, а? — обратился Иван к чиновнику, посмотрев затем на своего отца.

— Что-что? — переспросил уже собравшийся уходить японец.

— Сначала отдай деньги.

— А, деньги, — с ухмылкой произнёс чиновник. — Пётр Яковлевич, как только ты посадишь своих сыновей за поводья, я с удовольствием тебе

заплачу.

Иван, что-то бормоча себе под нос, надел тёплые ботинки и выдавшую лучшие времена меховую шубу.

— Наплевать на войну, — произнёс Иван тихим голосом. — Даже находясь меж двух огней, я сбегу отсюда.

За дверью замерзал молодой кучер. «Ну, приезжай», — сказал громким голосом чиновник, когда выходил из дома.

Подъехав к следующему дому, японец проверил наличие саней и лошадей, а затем вошёл в дом.

— Я заплачу, сколько надо, — сказал он и в этот раз. Если здесь всё пройдёт благополучно, то он направится к следующей семье.

С помощью врождённой хитрости и больших финансовых средств чиновнику каждый раз удавалось обводить русских крестьян вокруг пальца.

Глава 3

Сани подъехали к роте. Лошади ржали, и колокольчики на их спинах громко звенели.

Каждая рота была по горло занята подготовкой к выступлению. Однако сорок пять солдат на кухне батальона беззаботно болтали, не собираясь возобновлять подготовку. В кухне царили запахи сала, капусты, гренек и солений. Казалось, что даже кожа дневального¹ была пропитана этими запахами.

— Разве не мы забрали у крестьян этих свиней и птиц? А кому же достанется вся эта ветчина и бекон? Всё присваивают себе офицеры. Нам достанется вся грязная работа, — рассуждал Ёсивара рядом с печкой.

Владельцам всего этого скота, то есть сибирским крестьянам, часто

приходилось становиться свидетелями того, как их животных забирают, и сжав волю в кулак молчаливо наблюдать за этим. Ёсивара сам был из крестьянской семьи, и ему не раз приходилось держать скот в виде коров или свиней. Только человек, который с детских лет не понаслышке знает, какую цену имеют домашние животные для крестьянских семей, может понять, какое горе японские солдаты причиняли сибирякам.

— Причинять русским людям вред, забирать у них скот, отнимать то, что они непосильным трудом нажили — это же просто мерзкий грабёж! — говорил он охрипшим, но вместе с тем звонким голосом. Он говорил так громко, что дрожало стекло в оконных рамках.

Ему как-то довелось быть денщиком²² у командира батальона. Он смотрел на то, как роскошно живут офицеры, и, сравнивая это с хлебом простых солдат, понимал, насколько сильно различается их быт.

Один раз командир батальона собрался куда-то вечером; он приказал Ёсивара почистить ботинки и мундир, собрать тёплые вещи, а затем привести в порядок его усы, длина которых еле-еле достигала сантиметра. После этого надо было приготовить воду для умывания лица.

Видимо, господин командующий прихорашивался для свидания.

Однако позже, примерно в час ночи, он вернулся и в ярости сломал надвое свою трость, после чего выбросил её. Ёсивара не вполне понял причину сего негодования. Вероятно, господин командующий был отвергнут.

Его дурное настроение распространилось и на следующий день. Он злился на солдат, и, что ещё хуже, бил их кнутом.

Нужно было что-то думать. Нет у офицеров такой привилегии! Ёсивара, сидящий с серьёзным видом и смиренно чистящий офицерские ботинки, казался сам себе олухом.

²²Денщик (воен.термин) - солдат, состоящий при офицере для личных услуг

Командующий назначил его своим денщиком, так как Ёсивара имел чувство стиля и был хорош собой. Благодаря этому он не подвергался наказаниям. Однако он не мог избавиться от отвращения: командующий назначил его денщиком из-за внешности и относился к нему как к симпатичной игрушке, как будто бы хотел видеть рядом с собой красивую девушку. Оставалось только терпеть своё положение.

— Ведь это мы уводим у крестьян свиней и птиц, мы убираемся, мы готовим... хорошо командиры устроились! — повторил он. — Кто же мы тогда, по-вашему? Прислуга?

— Эй, давай закончим этот разговор и пойдём обратно. Смысл жаловаться, ведь всё равно ничего не поделать, — ответил Абэ. — Все уже к экипировке приступили.

У Абэ был мрачный вид. «Нужно поскорее вернуться в роту и собраться», — вот всё, о чём он мог думать. Однако ему казалось, что возвращаться одному, оставив остальных — неправильно, и он ждал.

— Как же не хочется опять убивать друг друга, — неподалёку шёпотом разговаривал Кимура с Асада. Они сидели напротив друг друга, подложив на стулья сёдла для верховой езды. У Кимура был нездоровый голос; он кашлял.

— Вроде говорят, что у русских солдат нет силы воли сражаться, — сказал Асада.

— Было бы хорошо, если так.

— Но ведь простые солдаты вообще не вольны решать, идти воевать или нет.

— Интересно, командующий армии что, вообще эту войну прекращать не собирается?

— Это уже зависит от того, как решат сверху.

— Как же это низко — специально отправлять нас в холодные края

убивать других людей.

Кимура иногда прерывал речь из-за кашля. Горло было забито мокротой, и солдат не мог говорить, не прочистив его.

До прибытия в Сибирь у Кимура не было проблем со здоровьем. Звук при проверке верхушек лёгких был чистым, не было ни одной проблемы. Однако, проведя зиму, замерзая в холодных снегах, а лето — дыша высохшим конским навозом с дорог, Кимура похудел и начал кашлять. Постоянно стояла плохая погода. Все эти полгода он только и делал, что убивал и смотрел на то, как убивают таких же молодых парней, как и он. Конечно, ему тоже доводилось убивать. Как-то он убил мертвенно-бледного юношу, у которого были искривлены губы и такое лицо, как будто он сейчас заплачет. У него только-только начинала расти рыжая щетина. Когда Кимура смотрел на то, как безжизненное тело этого молодого парня падает, он впервые почувствовал совсем не ненависть, а сожаление. Это показалось ему необычным. Он втихомолку рассуждал: *Ведь я совершил это против своей воли; меня заставили сделать это».*

— У тебя ведь неплохая отговорка есть. Возьми справку о том, что ты болен. Если возьмёшь, то сегодня не придётся выступать, — звонким голосом обратился уже охрипший Ёсивара к Кимура.

— Да даже если я начну кровью харкать, мне отвод не выпишут.

— Вот как... ну, скажи, что если не отлежишься, то тебя ударит жар и ты вообще непригодным станешь.

— Тогда военный врач скажет, что я просто отлыниваю, и разозлится, — Кимура опять начал кашлять. — Он вообще сюда приехал не лечить солдат, а злиться на них.

Ёсивара обескураженно смотрел на Кимура.

— Ну всё, пойдём уже, — сказал Абэ.

Из казарм роты доносились громкие, суетливые голоса занятых

подготовкой военных.

— Да шевелитесь вы уже. Всё равно придётся идти, — в который раз сделал попытку поторопить товарищей Абэ.

Все притихли. Запах сала, гренок и солений вновь забил ноздри молодых солдат.

— Я уже два раза получал отвод, — кашлянул Кимура. — Оба раза давали по неделе; сразу после этого меня опять отправляли на службу.

— Попробуй быть убедительнее.

— Да убедительнее уже некуда, — Кимура опять начал кашлять.

— Эй, какого чёрта вы там делаете?! — взревел сержант — Вы что, не слышали приказа? Быстро вернулись и начали подготовку!

— Ну, началось.

Глава 4

Солдаты ехали по покрытой сугробами степи примерно на десяти санях. На спинах лошадей уже не было колокольчиков.

Всё было засыпано глубокими снегами, а сама степь была такой широкой, что её пределов не было видно.

Вовсю звучал звук шпал саней и копыт лошадей, рассекающих снежные просторы. Прогредев, он исчезал, будто поглощённый тишиной степных пределов.

Сын Петра, Иван Петрович, управлял санями, в которых сидели командир батальона и его адъютант. Хлёсткий звук кнута, которым Иван погонял лошадь, звонко рассекал ветер. Лошадь продолжала бежать, разбивая замёрзший снег специальными подковами, на подошвах которых были прибиты гвозди, чтобы животное не скользило по льду.

Командир батальона думал о жаловании, которое лежало у него в

кармане. Это были деньги, которые он получил буквально вчера.

Чтобы догнать выбившуюся вперёд роту, Иван продолжал держать поводья и взмахивать кнутом. Лошадь неслась по снегу, будто ветер, и тянула за собой сани на двух параллельно расположенных шпалах. За Иваном ехали ещё двое саней. Они тоже везли офицеров. Когда на дороге появились многочисленные выбоины, сани со звоном начали тонуть в них. Лошади продолжали бежать и вытягивать их. Сани попадали во впадины одни за другими, а лошади всё бежали и бежали. Металлические детали саней оглушительно скрипели.

Иван подал какой-то знак кучерам, которые ехали позади.

Командир батальона был крупным и плотным мужчиной: кровь с молоком. Он постоянно питался ветчиной и беконом.

— А как же триста йен, — с некоторой грустью произнёс он сумму, которую ежемесячно отправлял дочери бывшего полковника в Японию из зарплаты, которую, в данном случае, получил только вчера. Дело в том, что сегодня он отправился на войну, и поэтому пока не успел отправить эти деньги. На эту сумму его жена, мать и двое детей могли жить целый месяц! Но, восхищённый красотой и очарованием дочери полковника, командир батальона продолжал сжимать покоившиеся в кармане купюры в надежде позже отправить их ей, а о том, что его семья тоже нуждается в деньгах, он по большей части не вспоминал.

— Майор Тикамацу!

Командир батальона продолжал размышлять. Он не услышал, как его позвали. «Я в самом деле глупо поступаю. Больше никогда не буду оставлять деньги у себя в кармане», — думал он.

— Майор Тикамацу!

— Господин командир батальона, к вам изволит обращаться господин подполковник, — произнёс адъютант.

В ушах гудел ветер. Иван Петрович сбавил скорость. Его лицо от губ до бровей покрылось белым, как сахар, инеем.

— Майор Тикамацу! Там кто-то толпится у подножия горы слева от нас!

— Что? — командиру батальона ничего не было видно.

— Там, у подножия горы слева от нас кто-то толпится. Не неприятель ли?

— Ммм.

Адъютант достал бинокль.

— Господин командир батальона, это неприятель. Он рассеянно марширует, ни о чём не подозревая, — с отчаянным видом произнёс адъютант.

Однако в тот самый момент внезапно поднялся дым. Неподалёку слышались звуки оружейных залпов.

— Эй, эй! — начал кричать майор Тикамацу ушедшей вперёд роте бессильным, будто молящим о помощи голосом, каким ни в коем случае не обращаются к своим подчинённым, таким голосом, каким пациенты зовут врача.

Было похоже, что в роте тоже одновременно заметили русских солдат слева. Когда командир батальона дал команду солдатам позади, они спрыгнули с саней на землю.

Глава 5

Битва продолжалась всего один час.

— Японцы и в самом деле как бешеные псы. Смотри, чтобы за руку не тяпнули, — сказал Пётр.

— По нам опять стреляют!

Русские солдаты теряли желание сражаться. Они опускали ружья и отступали на безопасные позиции.

Пули упорно летели в их сторону с пронзительным свистом.

— Всё, не могу больше.

— Может, попробуем поднять белый флаг?

— Ага, попробуй, тогда нас всех вырежут к чёрту!

— Бежим, бежим!

Старик по имени Фёдор Липский бежал, укрывая двух своих сыновей. Старшему было двенадцать. Младшему было девять. Младший устал; он всё ещё мог бежать только потому, что на нём были тёплые меховые ботинки. Троица постепенно отставала.

— Отец, я проголодался. Дай хлеба.

...

— Зачем же ты таких маленьких в эти снега взял? — спросили у Фёдора, когда они уже догнали остальных.

— Так присмотреть-то за ними некому, — ответил Липский, печально скривив лицо.

— А жена?

— Пять лет назад умерла. У неё был младший брат, да и он умер. Как же выживать, когда есть нечего?!

Фёдор порывся в мешке и достал чёрного хлеба; разделил кусок и отдал детям.

Когда младший сын попытался взять кусок хлеба не слушающейся его рукой в маленькой варежке, Фёдор со стоном упал в снег.

— Отец!

— Его подстрелили! — прокричал укрывающийся неподалёку солдат.

— Отец!

Старший сын попытался приподнять своего отца за его крепкую, закалённую крестьянскую шею.

— Отец!

Снова просвистела пуля.

Подстрелили младшего сына. Снег покрылся алыми каплями крови.

Глава 6

Вскоре к месту, где были подстрелены отец и сын, подошли японские солдаты.

— Сколько же ещё нам за ними гнаться?

— Я проголодался.

— Эй, может, приостановимся?

Японцы тоже устали от войны. Ведь победа в ней не даст простым солдатам ровно ничего, кроме искалеченных как тела, так и души, будто их переехал скоростной поезд.

Хворающий Кимура, кашляя и задыхаясь, шёл вперёд и волок за собой ружьё.

Заледеневшая поверхность снега разваливалась под весом солдат, и их ботинки проваливались. Каждый раз, когда солдаты ступали по снегу, они проваливались в сугробы.

— Ох, как же я устал, — произнёс Кимура, сплюнув мокроту вместе с кровью.

— Ты бы уже поворачивал обратно.

— Возвращайся на санях, — сказал Ёсивара.

Ещё два или три солдата присоединились к дискуссии:

— Да, пожалуй, так было бы лучше.

— Да ничего подобного: тебя будут заставлять воевать, пока ты окончательно на больничную койку не свалишься!

— Ой, кажется, этих я убил..., — в ужасе сказал Асада, глядя на тело Липского. — Я буквально недавно два или три раза стрелял.

Отец и сын параллельно лежали на снегу примерно на расстоянии

двух метров друг от друга. В руке старика был кусок чёрного хлеба; казалось, будто бы он собирался съесть его перед тем, как был убит.

Убитый ребёнок лежал, протянув левую руку поперёк своего маленького тела и опустив её в снег. Сам снег был окрашен кровавыми красками, рядом лежали маленькие меховые ботинки. Как ни посмотри, вся это картина была до боли жестокой. Маленькие мертвенно-бледные губы ребёнка, лежащего на снегу, как будто бы что-то говорили японцам. — Как же это бессердечно — убивать друг друга!

Солдатам показалось, как будто их со всей силы что-то ударило в грудь.

— Эй, до меня, наконец-то, дошло, — сказал Ёсивара. — Это ведь мы выбрали этот путь.

— Мы не выбирали, были те, кто *заставили* нас его выбрать против нашей воли, — крикнул кто-то из парней.

— Но ведь именно *мы* воюем, *мы* убиваем. Если мы откажемся, то всё это прекратится.

Солдаты стояли у тела Липского и его сына, как будто попали в тупик. Все они были измотаны. Одни думали о том, что же они сделали. Другие сели на снег, чтобы передохнуть. Третьи, отбросив дымящиеся ружья в сторону, от жажды ели снег.

— Когда же это кончится...

— Как же я голоден...

— Может, хватит уже воевать...

— Нам нужно самим прекратить это; если мы это не сделаем, то война не закончится. Командиры всегда будут продолжать использовать нас и заставлять убивать ради своих медалей! Мы положим этому конец! Давайте, все вместе! — призывал всех Ёсивара своим ораторским голосом.

Они все устали от войны. Им поскорее хотелось вернуться в

казармы и отдохнуть. Но намного больше им хотелось вернуться домой и сбросить с себя эту тесную солдатскую униформу.

Они думали о том, как освободятся от военной службы и вернуться на родину, а затем смогут свободно вздохнуть и лечь спать. Рядом с ними будут их прекрасные жены. Но нужно торопиться: ведь пока они участвуют в этой резне, их сверстники, не призванные в армию, могут разобрать всех красивых девушек. На родине будут столы, усыпанные алкоголем и всякими яствами. Зимой они будут любоваться снегопадом, потягивая сакэ. Но вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, парни вынуждены выбрасывать её, убивая русских людей в Сибири!

— А ну двинулись вперёд! Какого чёрта вы застыли перед неприятелем?!

— раздался рык командира роты, идущего вперёд с обнажённой саблей.

Глава 7

Солдаты с абсолютно вялым видом толпились на снегу, как ученики школы, присевшие у водоёма передохнуть во время школьной поездки. Они о чём-то спорили.

— Эй, отвези нас чуть в сторону, — сказал командир батальона Ивану Петровичу. — Отсюда мы станем лёгкой мишенью.

Лошадь устало волочила ноги по снегу; когда Иван подгонял её кнутом, он чувствовал, будто наносит удары сам себе. «Лучше бы я вёз рядовых, а не офицеров», — думал он. Когда начинается битва, солдаты все до единого слезают с саней и идут сами. Только офицеры не покидают саней. Чиновник обманул Ивана. Сани его отца нужны были не для того, чтобы доставлять продовольствие, а для того, чтобы убивать русских

людей. Что бы японцы делали без саней?!

Когда лошадь соскальзывала с застывшей и протоптанной дороги, её худые и длинные ноги погружались в снег. Затем, когда лошадь выбиралась из сугробов, она расталкивала снег, который после этого летел в лицо Ивану. Чем больше они ехали по такой непроходимой степи, тем больше уставала лошадь.

Сани приближались к солдатам, и когда их стали разделять около ста метров, рядовые по отдельности встали и двинулись вперёд. Но пять или шесть человек продолжали сидеть на снегу; они и не собирались двигаться. Офицер что-то прокричал им. Тогда один из солдат, симпатичный парень с тёмными волосами, встал и агрессивным тоном ответил офицеру. Это был Ёсивара. Было похоже, что он заставил офицера замолчать. После этого солдаты, видимо, готовы были начать избивать его. Среди них был и солдат, кашляющий кровью.

— Что случилось? Что такое? — спросил командир батальона лейтенанта, идущего неподалёку.

— Рядовые возомнили себя командующими и требуют прекратить войну. Похоже, они весьма сильно агитируют других солдат, — доложил лейтенант, поправляя меховую шапку. — Мало нам врага, но если уж и наши солдаты против нас восстанут...

— С кем они там препираются? С командиром роты?

— Да, с командиром роты.

По чертам лица командир батальона узнал своего денщика Ёсивара. Ёсивара же, вспомнив, как ему постоянно приходилось слушать приказания командира и счищать ржавчину со шпор на его сапогах, со злостью смотрел на командира.

— Что это ты там делаешь?! Это строжайшее нарушение дисциплины! — разъярённо закричал командир. Тон его голоса резко стал агрессивным;

Иван вздрогнул, подумав, что обращаются к нему.

Причиной злости командира по отношению лично к Ёсивара было ещё и то, что парень узнал о страсти командира к дочери полковника и разболтал об этом всему батальону.

— Как ты смеешь так поступать?! Да за такое...!

После этого он приказал Ивану остановить сани, слез и направился к разговаривающему с командиром роты Ёсивара, вдавливая снег своими длинными сапогами.

Командир роты заметил приближение майора и, чтобы не уронить себя в его глазах, ответил Ёсивара ударом в лицо.

В санях наконец-то никого не было. «Так бы и продолжалось», — думал про себя Иван. Он потянул за поводья и повернул лошадь в сторону, противоположную линии фронта. Иван вёз офицеров и был последним, кто приехал к данному месту. Сани, которые везли солдат, уже скрылись из виду: они отъехали назад примерно на три версты.

Управляя уже порядком уставшей лошадью, Иван спустя пару минут оглянулся на солдат и офицеров, которые спорили друг с другом.

Рядом с темноволосым парнем стоял коренастый командир батальона. У него был весьма злобный вид. На расстоянии около двадцати метров от них был ещё один офицер; он принял стрелковое положение и навёл ружьё на Ёсивара. Ивану всё было предельно видно, но Ёсивара, скорее всего, не мог заметить этого. Офицер планировал нанести незаметный удар. «Как же подло», — подумал Иван.

Командир батальона сделал три-четыре шага в сторону и дал сигнал стрелять.

Из оружейного дула офицера, который стоял позади, пошёл дым. После этого темноволосый солдат бесшумно упал на снег, будто срубленный ствол дерева. Ивану звук выстрела напомнил треск

лопающегося гороха.

Офицер снова выстрелил. В этот раз на снег упал худощавый юноша, который кашлял кровью.

Солдат, который до сего момента смирно стоял, весьма чувствительно воспринял действия офицеров: внезапно он сбросил шапку на землю и, крича что-то им, бросился в их сторону.

В тревоге Иван почувствовал дрожь. Затем он взмахнул кнутом и погнал лошадь подальше отсюда. Что стало со светлокожим солдатом, бросившимся на офицеров, он не знал: Иван не мог заставить себя оглянуться. Мальчик продолжал гнать лошадь вперёд.

«Как они могут так легко, без малейшей тени сожаления убивать друг друга?! Зачем они убили тех парней?! Им что, настолько сильно нужно воевать с нами, что они готовы убивать своих же солдат, отказывающихся это делать?!» — рассуждал Иван про себя.

С одной стороны, Иван хотел узнать, что же стало со светлокожим солдатом, убили его или нет... С другой стороны, в случае, если он был убит, он не хотел лицезреть это.

Иван мчался ещё несколько секунд и, думая, что он уже отъехал на достаточно большое расстояние, оглянулся. Светлокожий солдат всё ещё нёсся по снегу. Сугробы были глубокими. Ноги солдата проваливались в снег по колено. Несмотря на это, он отчаянно двигался вперёд.

Он издал оглушающий вопль и раздался бранью.

Иван больше не мог на это смотреть. Они не прекратят воевать; продолжат безжалостно убивать друг друга. Иван повернул лошадь в сторону. В этот момент сзади опять послышался звук выстрела, как будто лопался горох. Однако Иван не повернулся. Он больше не мог этого выносить.

«Японцы правда как бешеные собаки. Чёртовы глупцы».

Глава 8

Когда солдаты вышли из саней, кучера стали неторопливо возвращаться. Все они злились, ведь японский чиновник обманул их. Он заставил их отвезти японских солдат на линию фронта, чтобы убивать русских. Но ведь кучера сами русские!

— Он подло обманул нас! Ублюдок!

Пройдя ещё некоторое расстояние, они ускорились. Затем быстро, как пуля, вышли из конюшен.

Потом они достали из карманов колокольчики, которые им до этого запрещали использовать, и прикрепили их к лошадям, после чего беззаботно, даже с некоторым облегчением, вскочили на сани.

Колокольчики, которые до настоящего момента лежали в их карманах, весело зазвенели.

Стадо солдат, которые незадолго до этого убивали людей, осталось позади, выше линии горизонта; по мере того, как сани уезжали, их силуэты становились всё меньше и меньше. Наконец, они стали мелкими, как муравьи, и окончательно исчезли из поля зрения.

Глава 9

Снежная степь была бескрайней, словно океан.

Вдалеке виднелись горы, окутанные в снега. Однако сколько бы ты к ним ни шёл, они не становились ближе, а только продолжали восседать на прежних местах. Казалось, что достичь их невозможно. Вокруг не было ни крестьянских домов, ни сторожевых постов. Не было вокруг и белоклювых птиц.

Здесь, будто корабль без компаса и гребного винта при полном штиле, бродил целый батальон.

Солдаты, боясь расстрела, перестали выступать против офицеров. Майор Тикамацу угрожал расстрелом всем своим солдатам. Солдаты против своей воли открывали огонь по русским на поражение. У них было всего два пути: убивать русских людей или быть убитыми. Из-за этого их отчаяние становилось ещё глубже.

В распоряжении у командира батальона теперь не было саней. Он винил солдат в том, что саней больше нет, и бранил их за невнимательность: майор Тикамацу кричал на них и угрожающе бил саблей по снегу. Его сапоги проваливались в сугробы. Шпоры, которые раньше чистил ему Ёсивара, теперь только мешали командиру идти по снегу, из-за чего он злился ещё больше.

Есть было нечего, а вода во фляге заledenела.

Тяжёлым было всё: и ружьё, и сапоги, даже собственное тело. Солдаты шли шатаясь, бесцельно, с таким видом, как будто сейчас упадут на снег. Они осознавали, что скорее всего вскоре умрут. Ведь больше на санях на помощь никто не приедет.

Почему они должны умирать в этих сугробах? Почему они должны убивать русских в этой снежной степи? Ведь от войны они сами ничего не получали.

У солдат началась депрессия. Командование, отправившее их воевать в Сибирь, знало, что солдаты умрут в эти снегах. В данный момент эти командиры, скорее всего, любят на родине снегом, уютно укрывшись в катацу²³. Наверное, когда им доложат о смерти батальона, всё, что они скажут, это: «А, ну понятно». Вот и всё.

Солдаты, шатаясь, шли по снегам. Но они ещё не потеряли рассудок.

²³Катацу - традиционный японский предмет мебели, одеялом. Используется зимой для согревания.

низкий деревянный стол, накрытый

Как не потеряли и злость, и ненависть, и бунтарский запал.

Штыки их ружей, которые против воли солдат направлялись руками командиров, отправивших их в Сибирь, теперь стали свободны от оков и были направлены в сторону майора Тикамацу, своевольно использующего солдат. В них сосредотачивалась неутомимая жажда возмездия.

Снежная степь была бескрайней, словно океан.

Вдалеке виднелись горы, окутанные в снега. Однако сколько бы ты к ним ни шёл, они не становились ближе, а только продолжали восседать на прежних местах. Казалось, что достичь их невозможно. Вокруг не было ни крестьянских домов, ни сторожевых постов. Не было вокруг и белоклювых птиц.

По этим краям голодные, уставшие и ослабевшие солдаты бродили без всякой цели. Сапоги были тяжёлыми, а ледяной воздух пробирал их до костей.

Куросима Дэндзи, сентябрь 1928 г. (Второй год периода Сёва)

Оригинальный текст

黒島伝治

橇

—

鼻が凍(い)てつくような寒い風が吹きぬけて行った。

村は、すっかり雪に蔽(おお)われていた。街路樹も、丘も、家も。そこは、白く、まぶしく光る雪ばかりであった。

丘の中ほどのある農家の前に、一台の橇(そり)が乗り捨てられていた。客間と食堂とを兼ねている部屋からは、いかにも下手(へた)でぞんざいな日本人のロシア語がもれて来た。

「寒いね、……お前さん、這入(はい)ってらっしゃい。」

入口の扉が開(あ)いて、踵(かがと)の低い靴をはいた主婦が顔を出した。

馭者(ぎょしゃ)は橇の中で腰まで乾草(ほしくさ)に埋め、頸(くび)をすくめていた。若い、小柄な男だった。頬と鼻の先が霜で赭(あか)くなっていた。

「有がとう。」

「ほんとに這入ってらっしゃい。」

「有がとう。」

けれども、若い馭者は、乾草をなお身体(からだ)のまわりに集めかけて、なるだけ風が衣服を吹き通さないようにするばかりで橇からは立上ろうとはしなかった。

目かくしをされた馬は、鼻から蒸気を吐き出しながら、おとなしく、御用商人が出て

くるのを待っていた。

蒸気は鼻から出ると、すぐそこで凍てついて、霜になった。そして馬の顔の毛や、革具や、目かくしに白砂糖を振りまいたようにまぶれついた。

二

親爺（おやじ）のペーターは、御用商人の話に容易に応じようとはしなかった。

御用商人は頬から顎（あご）にかけて、一面に髯（ひげ）を持っていた。そして、自分では高く止っているような四角ばった声を出した。彼は婦人に向っても、それから、そう使ってはならない時にでも、常に「お前（テイ）」とロシア人を呼びすてにした。彼は、耳ばかりで、曲りなりにロシア語を覚えたのであった。

「戦争だよ、多分。」

父親と商人との話を聞いていたイワンが、弟の方に向いて云った。

「いいや！」商人の眼は捷（すばや）くかがやいた。「糧秣（りょうまつ）や被服を運ぶんだ。」

「糧秣や被服を運ぶのに、なぜそんなに沢山櫓がいるんかね。」

イワンが云った。

「それゃいるとも。——兵たいはみんな一人一人服も着るし、飯も食うしさ……。」

商人は、ペーターが持っている二台の櫓を聯隊の用に使おうとしているのであった。金はいくらでも出す、そう彼は持ちかけた。

ペーターは、日本軍に好意を持っていなかった。のみならず、憎悪と反感とを抱いていた。彼は、日本人のために理由なしに家宅搜索をせられたことがあった。また、金は払うと云いつつ、当然のように、仔をはらんでいる豚を徴発して行かれたことがあった。畑は荒された。いつ自分達の傍（そば）で戦争をして、流れだまがとんで来るかしれなかった。彼は用事もないのに、わざわざシベリアへやって来た日本人を呪（のろ）っ

ていた。

商人は、聯隊からの命令で、百姓の家へ用たしに行くたびに、彼等が抱いている日本人への反感を、些細(ささい)な行為の上にも見てとった。ある者は露骨にそれを現わした。しかし、それは極く少数だった。たいていは、反感らしい反感を口に表わさず、別の理由で金を出してもこちらの要求に応じようとはしなかった。蹄鉄の釘がゆるんでいるとか、馬が風邪を引いているとか。けれども、相手の心根を読んで掛引をすることばかりを考えている商人は、すぐ、その胸の中を見ぬいた。そしてそれに応じるような段取りで話をすすめた。彼は戦争をすることなどは全然秘密にしていた。

十五分ばかりして、彼は、二人の息子を馭者にして、ペーターが、二台の橇を聯隊へやることを承諾させた。

「よし、それじゃ、すぐ支度(したく)をして聯隊へ行ってくれ。」彼は云った。

「一寸(ちょっと)。」とイワンが云った。「金をさきに貰(もら)いてえんだ。」

そして、イワンは父親の顔を見た。

「何？」

行きかけていた商人は振りかえった。

「金がほしいんだ。」

「金か……」商人は、わざと笑った。「なあ、ペーター・ヤコレウイチ、二人の若いのをのせてやりゃ、金はらくらくと儲(もうか)るじゃないか。」

イワンは、口の中で、何かぶつぶつ呟(つぶや)きながら、防寒靴をはき、破れ汚れた毛皮の外套(がいとう)をつけた。

「戦争かもしれんて」彼は小聲に云った。「打ちあいでもやりだせや、俺(お)れや勝手に逃げだしてやるんだ。」

戸外では若い馭者が凍えていた。商人は、戸外へ出ると、
「さあ、次へやってくれ！」と元気よく云った。

橇は、快く、雪の上を軽く辻(すべ)って、稍(やや)傾斜している道を下った。

商人は、次の農家で、櫓と馬の有無をたしかめ、それから玄関を奥へ這入って行った。

そこでも、金はいくらでも出す、そう彼は持ちかけた。そこが纏(まとま)ると、又次へ櫓を馳(は)せた。

日本人への反感と、彼の腕と金とが行くさきざきで闘争をした。そして彼の腕と金はいつも相手をまるめこんだ。

三

櫓は中隊の前へ乗りつけられた。馬が嘶(いなな)きあい、背でリンリン鈴が鳴った。

各中隊は出動準備に忙殺されていた。しかし、大隊の炊事場では、準備にかえろうともせず、四五人の兵卒が、自分の思うままのことを話しあっていた。そこには豚の脂肪や、キャベツや、焦げたパン、腐敗した漬物(つけもの)の臭いなどが、まざり合って、充満していた。そこで働いている炊事当番の皮膚の中へまでも、それ等の臭いはしみこんでいるようだった。

「豚だって、鶏だってさ、徴発して来るのは俺達じゃないか。それでハムやベーコンは誰れが食うと思う。みんな将校が占領するんだ。——俺達はその悪い役目さ。」

吉原は暖炉のそばでぼざいていた。

飼主が——それはシベリア土着の百姓だった——徴発されて行く家畜を見て、胸をかき切らぬばかりに苦るしむ有様を、彼はしばしば目撃していた。彼は百姓に育て、牛や豚を飼った経験があった。生れたばかりの仔どもの時分から飼いつけた家畜がどんなに可愛いものであるか、それは、飼った経験のある者でなければ分らないことだった。

「ロシア人をいじめて、泣いたり、おがんだりするのに、無理やり引っこさげて来るんだからね、——悪いこったよ、掠奪(りゃくだつ)だよ。」

彼は嘎(か)れてはいるが、よくひびく、量の多い声を持っていた。彼の喋(しゃべ)ることは、窓硝子が振える位よく通った。

彼は、もと大隊長の従卒をしていたことがあった。そこで、将校が食う飯と、兵卒のそれとが、人間の種類が異っている程、違っているのを見てきているのであった。

晩に、どこかへ大隊長が出かけて行く、すると彼は、靴を磨(みが)き、軍服に刷毛(はけ)をかけ、防寒具を揃(そろ)えて、なおその上、僅(わず)か三厘ほどのびている髯をあたってやらなければならなかった。髯をあたれば、顔を洗う湯も汲(き)み取(と)れなければならない。……

少佐殿はめかして出て行く。

ところが、おそく、——一時すぎに——帰(か)ってきて、棒切れを折(よ)って投げつけるように不機嫌(ふきげん)なことがあるのだ。吉原には訳(わけ)が分(わ)らなかつた。多分(たぶん)ふられたのだろう。

すると、あくる日も不機嫌(ふきげん)なのだ。そして兵卒は、叱(しか)りつけられ、つい、要領(ようりやう)が悪いと鞭(むち)うたれるのだ。

彼は考えたものだ。上官にそういう特権(とくけん)があるものか！ 彼は真面目(まじめ)に、ペコペコ頭(かしら)を下げ、靴(くつ)を磨(こ)くことが、阿呆(あほう)らしくなった。

少佐がどうして彼を従卒にしたか、それは、彼がスタイルのいい、好男子(こうなんし)であつたからであつた。そのおかげで彼は打たれたことはなかつた。しかし、彼は、なべて男(おとこ)が美しい女(をんな)を好(この)むように、上官が男前(おとこまえ)だけで従卒(じゆすい)をきめ、何か玩弄物(わんりやうぶつ)のように扱うのに反感(はんかん)を抱(いだ)かずにはいられなかつた。玩弄物(わんりやうぶつ)になつてたまるもんか！

「豚(ぶた)だって、鶏(けい)だってさ、徴発(ていはつ)にやられるのは俺達(俺達)じゃないか、おとすんだって、料理(りやうり)をするんだってさ……。それでうまいところはみんなえらい人(ひと)にとられてしまうんだ。」彼は繰(くり)かえした。「俺達(俺達)の役目(やくめ)はいったい何(なん)というんだ！」

「おい、そんなこた喋(しゃべ)らずに帰(か)ろうぜ。文句(もんく)を云(い)うたって仕様(しやうが)がないや。」安部(あんべ)が云(い)った。「もうみんな武装(ぶさく)しよるんだ。」

安部(あんべ)は暗(くろ)い陰鬱(いんうつ)な顔(かほ)をしていた。さきに中隊(ちゆうたい)へ帰(か)って準備(じゆんび)をしよう。——彼はそう

したい心でいっぱいだった。しかし、ほかの者を放っておいて、一人だけ帰って行くのが悪いような気がして、立去りかねていた。

「また殺し合いか、——いやだね。」

傍で、木村は、小聲に相手の浅田にささやいていた。二人は向いあって、腰掛に馬乗(うまのり)に腰かけていた。木村は、軽い元気のない咳をした。

「ロシアの兵隊は戦争する意志がないということだがな。」

浅田が云った。

「そうかね、それは好ましい。」

「しかし、戦争をするのは、兵卒の意志じゃないからな。」

「軍司令官はどこまでも戦争をするつもりなんだろうか。」

「内地からそれを望んできとるというこったよ。」

「いやだな。——わざわざ人を寒いところへよこして殺し合いをさせるなんて！」

木村は、ときどき話をきらして咳をした。痰がのどにたまってきて、それを咯(は)き出さなければ、声が出ないことがあった。

彼は、シベリヤへ来るまで胸が悪くはなかった。肺尖(はいせん)の呼吸音は澄んで、一つの雑音も聞えたことはなかった。それが、雪の中で冬を過し、夏、道路に棄てられた馬糞が乾燥してほこりになり、空中にとびまわる、それを呼吸しているうちに、いつのまにか、肉が落ち、咳が出るようになってしまった。気候が悪いのだ。その間、一年半ばかりのうちに彼は、ロシア人を殺し、ついにはまた自分も殺された幾人かの同年兵を目撃していた。彼自身も人を殺したことがあった。唇を曲げて泣き出しそうな顔をしている蒼白(あおじろ)い青年だった。赭(あか)いひげが僅かばかり生えかけていた。自分の前に倒れているその男を見ると、別に憎くもなければ、恨(うらみ)を持っているのでもないことが、始めて自覚された。それが不思議なことのように思われた。そして、こういうことは、自分の意志に反して、何者かに促されてやっているのだ。——ひそかに、そう感じたものだ。

噎(しわが)れた、そこらあたりにひびき渡るような声で喋っていた吉原が、木村の方に向いて、

「君はいい口実があるよ。——病気だと云って診断を受けろよ。そうすりゃ、今日、行かなくてもすむじゃないか。」

「血でも咯くようにならなけりゃみてくれないよ。」

「そんなことがあるか！——熱で身体がだるくって働けないって云やいいじゃないか。」

「なまけているんだって、軍医に怒られるだけだよ。」木村は咳をした。「軍医は、患者を癒(なお)すんじゃなくて、シベリアまで俺等を怒(おこ)りに来とるようなもんだ。」

吉原は眼を据えてやりきれないというような顔をした。

「おい、もう帰ろうぜ。」

安部が云った。

中隊の兵舎から、準備に緊張したあわただしい叫びや、叱咤(しった)する声がひびいて来た。

「おい、もう帰ろうぜ。」安部が繰かえした。「どうせ行かなきゃならんのだ。」

空気が動いた。そして脂肪や、焦げパンや、腐った漬物の悪臭が、また新しく皆の鼻孔を刺戟した。

「二度診断を受けたことがあるんだが。」そう云って木村は咳をした。「二度とも一週間の練兵休で、すぐまた、勤務につかせられたよ。」

「十分念を入れてみて貰うたらどうだ。」

「どんなにみて貰うたってだめだよ。」

そしてまた咳をした。

「おい。みんな何をしているんだ！」入口から特務曹長がどなった。「命令が出とるんが分らんのか！ 早く帰って準備をせんか！」

「さ、ブウがやって来やがった。」

四

数十台の橇が兵士をのせて雪の曠野をはせていた。鈴は馬の背から取りはずされていた。

雪は深かった。そして曠野は広くはてしなかった。

滑桁(すべりけた)のきしみと、凍った雪を蹴る蹄(ひづめ)の音がそこにひびくばかりであった。それも、曠野の沈黙に吸われるようにすぐどこかへ消えてしまった。

ペーターの息子、イワン・ペトロウイチが手綱を取っている橇に、大隊長と副官とが乗っていた。鞭が風を切って馬の尻に鳴った。馬は、滑らないように下面に釘が突出している氷上蹄鉄で、凍った雪を蹴って進んだ。

大隊長は、ポケットに這入っている俸給について胸算用をしていた。——それはつい、昨日受け取ったばかりなのであった。

イワンは、さきに急行している中隊に追いつくために、手綱をしゃくり、鞭を振りつづけた。橇は雪の上に二筋の平行した滑桁のあとを残しつつ風のように進んだ。イワンのあとに他の二台がつづいていた。それにも将校が乗っている。土地が凹んだところへ行くと、橇はコトンと落ちこんだ。そしてすぐ馬によって平地へ引き上げられた。一つが落ちこむと、あとのも、つづいて、コトンコトンと落ちては引き上げられた。滑桁の金具がキシキシ鳴った。

「ルー、ルルル。……」

イワンは、うしろの馭者に何か合図をした。

大隊長は、肥(ふと)り肉(じし)の身体に血液がありあまっている男であった。ハムとベーコンを食って作った血だ。

「ええと、三百円のうち……」彼は、受取ったすぐ、その晩——つまり昨夜、旧ツアー大佐の娘に、毎月内地へ仕送る額と殆(ほとん)ど同じだけやってしまったことを後悔していた。今日戦争に出ると分っていりゃ、やるのではなかった。あれだけあれば、妻と

老母と、二人の子供が、一ヵ月ゆうに暮して行けるのだ！——しかし、彼は太佐の娘の美しさと、なまめかしさに、うっとりして、今ポケットに残してある札も、あとから再び取り出して、おかたやっしまおうとしていたことは思い出さなかった。

「近松少佐！」

大隊長は胸算用をつづけた。彼にはうしろからの呼声が耳に入らなかった。ほんとに馬鹿なことをしたものだ。もうポケットにはどれだけが程も残っていやしない！

「近松少佐！」

「大隊長殿、中佐殿がおよびです。」

副官が云った。

耳のさきで風が鳴っていた。イワン・ペトロウイチは速力をゆるめた。彼の口ひげから眉にまで、白砂糖のような霜がまぶれついていた。「近松少佐！ あの左手の山の麓（ふもと）に群がって居るのは何かね。」

「……？」

大隊長にはだしぬけで何も見えなかった。

「左手の山の麓に群がってるのは敵じゃないかね。」

「は。」

副官は双眼鏡を出してみた。

「……敵ですよ。大隊長殿。……なんてこった、敵前でぼんやり腹を見せて縦隊行進をするなんて！」絶望せぬばかりに副官が云った。

「中隊を止めて、方向転換をやらせましょうか。」

しかし、その瞬間、パッと煙が上った。そして程近いところから発射の音がひびいた。

「お——い、お——い」

患者が看護人を呼ぶように、力のない、救を求めるような、如何（いか）にも上官から呼びかける呼び声らしくない声で、近松少佐は、さきに行っている中隊に叫びかけた。

中隊の方でも、こちらと殆んど同時に、左手のロシア人に気づいたらしかった。大隊長が前に向って叫びかけた時、兵士達は、橇から雪の上にとびおりていた。

五

一時間ばかり戦闘がつづいた。

「日本人って奴は、まるで狂犬みたいだ。——手あたり次第にかみつかなかちゃおか
ないんだ。」パーチャが云った。

「まだポンポン打ちよるぞ！」

ロシア人は、戦争をする意志を失っていた。彼等は銃をさげて、危険のない方へ逃
げていた。

弾丸がシュツ、シュツ！ と彼等が行くさきへ執念(しゅうね)くつきまとして流れて来
た。

「くたびれた。」

「休戦を申込む方法はないか。」

「そんなことをしてみろ、そのすきに皆殺しになるばかりだ！」

「逃げろ！ 逃げろ！」

フョードル・リープスキーという爺さんは、二人の子供をつれて逃げていた。兄は十二
だった。弟は九ツだった。弟は疲れて、防寒靴を雪に喰い取られないばかりに足を引
きずっていた。親子は次第におくれた。

「パパ、おなかがすいた。……パン。」

「どうして、こんな小さいのを雪の中へつれて来るんだ。」あとから追いこして行く者がた
ずねた。

「誰(だ)あれも面倒を見ってくれる者がいないんだ。」

リープスキーは、悲しそうに顔を曲げた。

「家内は？」

「五年も前になくなったよ。家内の弟があったんだが、それも去年なくなった。——食うものがないのがいけないんだ！」

彼は袋の底をさぐって、黒パンを一と切れ息子に出してやった。

弟は、小さい手袋に這入った自由のきかない手で、それを受取ろうとした。と、その時、リースキーは、何か呻(うめ)いて、パンを持ったまま雪の上に倒れてしまった。

「パパ」

「やられたんだ！」

傍を逃げて行く者が云った。

「パパ」

十二歳の兄は、がっしりした、百姓上りらしい父親の頸を持って起き上らそうとした。

「パパ」

また弾丸がとんできた。

弟にあたった。血が白い雪の上にあふれた。

六

間もなく、父子が倒れているところへ日本の兵隊がやって来た。

「どこまで追っかけろって云うんだ。」

「腹がへった。」

「おい、休もうじゃないか。」

彼等も戦争にはあきていた。勝ったところで自分達には何にもならないことだ。それに戦争は、体力と精神力とを急行列車のように消耗させる。

胸が悪い木村は、咳をし、息を切らしながら、銃を引きずってあとからついて来た。

表面だけ固(かたま)っている雪が、人の重みでくずれ、靴がずしずしめりこんだ。足

をかわすたびに、雪に靴を取られそうだった。

「あ——あ、くたびれた。」

木村は血のまじった痰を咯(は)いた。

「君はもう引っかえしたらどうだ。」

「くたびれて動けないくらいだ。」

「橇で引っかえせよ。」吉原が云った。

「そうする方がいい。——病人まで人殺しに使うって法があるか！」

傍から二三の声が同時に云った。

「おや、これは、俺が殺したんかもしれないぞ。」浅田は倒れているリースキーを見て胸をぎょっとさせた。「さっき俺れや、ニツ三ツ引金を引いたんだ。」

父子は、一間ほど離れて雪の上に、同じ方向に頭をむけて横たわっていた。爺さんの手のさきには、小さい黒パンがそれを食おうとしているところをやられたもののようころがっていた。

息子は、左の腕を雪の中に突きこんで、小さい身体をうつむけに横たえていた。周囲の雪は血に染り、小さい靴は破れていた。その様子が、いかにも可憐(かれん)だった。雪に接している白い小さい唇が、彼等に何事かを叫びかけそうだった。

「殺し合って、無情なもんだなあ！」

彼等は、ぐっと胸を突かれるような気がした。

「おい、俺れや、今やっと分った。」と吉原が云った。「戦争をやっとるのは俺等だよ。」

「俺等に無理にやらせる奴があるんだ。」

誰かが云った。

「でも戦争をやっとる人は俺等だ。俺等がやめりや、やまるんだ。」

流れがせかれたように、兵士達はリースキーの周囲に止ってしまった。皆な疲れてぐったりしていた。どうしたんだ、どうしたんだ、と云う者があった。ある者は雪の上に腰をおろして休んだ。ある者は、銃口から煙が出ている銃を投げ出して、雪を掴んで

食った。のどが乾いているのだ。

「いつまでやったって切りがない。」

「腹がへった。」

「いいかげんで引き上げないかな。」

「俺等がやめなきゃ、いつまでたったってやまるもんか。奴等は、勲章を貰うために、どこまでも俺等をこき使って殺してしまうんだ！　おい、やめよう、やめよう。引き上げよう！」

吉原は喧嘩をするように激していた。

彼等は、戦争には、あきてしまっていた。早く兵営へ帰って、暖い部屋で休みたかった。——いや、それよりも、内地へ帰って窮屈な軍服をぬぎ捨ててしまいたかった。

彼等は、内地にいる、兵隊に取られることを免れた人間が、暖い寝床でのびのびとねていることを思った。その傍には美しい妻が、——内地に残っている同年の男は、美しくって気に入った女を、さきに選び取る特権を持っているのだ。そこには、酒があり滋養に富んだ御馳走がある。雪を慰みに、雪見の酒をのんでいるのだ。それなのに、彼等はシベリアで何等恨（うらみ）もないロシア人と殺し合いをしなければならないのだ！

「進まんか！　敵前でなにをしているのだ！」

中隊長が軍刀をひっさげてやって来た。

七

遠足に疲れた生徒が、泉のほとりに群がって休息しているように、兵士が、全くだれてしまった態度で、雪の上に群がっていた。何か口論をしていた。

「おい、あっちへやれ。」

大隊長はイワン・ペトロウイチに云った。「あの人がたまになつとる方だ。」

馬は、雪の上を追いまわされて疲れ、これ以上鞭をあてるのが、イワンには、自分の身を叩くように痛く感じられた。彼は兵卒をのせていればよかったと思った。兵卒は、戦闘が始ると悉（ことごと）く橇からおりて、雪の上を自分の脚で歩いているのだ。指揮者だけがいつまでも橇を棄てなかった。御用商人は、彼をだましたのだ。ロシア人を殺すために、彼等の橇を使っているのだ。橇がなかったらどうすることも出来やしないのに！

踏みかためられ、凍（い）てついた道から外れると、馬の細長い脚は深く雪の中へ没した。そして脚を抜く時に蹴る雪が、イワンの顔に散りかかって来た。そういう走りにくいところへ落ちこめば落ちこむほど、馬の疲労は増大してきた。

橇が、兵士の群がっている方へ近づき、もうあと一町ばかりになった時、急に兵卒が立って、ばらばらに前進しだした。でも、なお、あと、五六人だけは、雪の上に坐ったまま動こうとはしなかった。将校がその五六人に向って何か云っていた。するとそのうちの、色の浅黒い男振りのいい捷（はし）っこそうな一人が立って、激した調子で云いかえした。それは吉原だった。将校が云いこめられているようだった。そして、兵卒の方が将校を殴（なぐ）りつけそうなけはいを示していた。そこには咳をして血を咯いている男も坐っていた。

「どうしたんだ、どうしたんだ？」

大隊長は、手近をころげそうにして歩いている中尉にきいた。

「兵卒が、自分等が指揮者のように、自分から戦争をやめると云つとるんであります。だいぶほかの者を煽動したらしいんであります。」中尉は防寒帽をかむりなおしながら答えた。「どうもシベリアへ来ると兵タイまでが過激化して困ります。」

「何中隊の兵タイだ。」

「×中隊であります。」

眼鼻の線の見さかいがつくようになると、大隊長は、それが自分の従卒だった吉原であることをたしかめた。彼は、自分に口返事ばかりして、拍車を錆（さ）びさしたりし

たことを思い出して、むっとした。

「不軍紀な！ 何て不軍紀な！」

彼は腹立たしげに怒鳴った。それが、急に調子の変った激しい声だったので、イワンは自分に何か云われたのかと思って、はっとした。

彼が、大佐の娘に熱中しているのを探り出して、云いふらしたのも吉原だった。

「不軍紀な、何て不軍紀な！ 徹底的に犠牲にあげなきゃいかん！」

そして彼は、イワンに櫓を止めさせると、すぐとびおりて、中隊長と云い合っている吉原の方へ雪に長靴をずりこませながら、大またに近づいて行った。

中隊長は少佐が来たのに感づいて、にわかに威厳を見せ、吉原の頬をなぐりつけた。

イワンは、櫓が軽くなると、誰れにも乗って貰いたくないと思った。彼は手綱を引いて馬を廻し、戦線から後方へ引き下った。彼が一番長いこと将校をのせて、くたびれ儲けをした最後の男だった。兵タイをのせていた櫓は、三露里も後方に下って、それからなお向うへ走り去ろうとしていた。

彼は、疲れない程度に馬を進めながら、暫らくして、兵卒と将校とが云い合っていた方を振りかえった。

でっぶり太った大隊長が浅黒い男の傍に立っていた。大隊長は怒って唇をふくらましていた。そこから十間ほど距(へだた)って、背後に、一人の将校が膝をついて、銃を射撃の姿勢にかまえ兵卒をねらっていた。それはこちらからこそ見えるが、兵卒には見えないだろう。不意打を喰わすのだ。イワンは人の悪いことをやっていると思った。

大隊長が三四歩あとすざって、合図に手をあげた。

将校の銃のさきから、パッと煙が出た。すると、色の浅黒い男は、丸太を倒すようにパタリと雪の上に倒れた。それと同時に、豆をはぜらすような音がイワンの耳にはいつて来た。

再び、将校の銃先(つつさき)から、煙が出た。今度は弱々しそうな頬骨の尖(と

が)っている、血痰を咯いている男が倒れた。

それまでおとなしく立っていた、物事に敏感な顔つきをしている兵卒が、突然、何か叫びながら、帽子をぬぎ棄てて前の方へ馳せだした。その男もたしか将校と云いあっていた一人だった。

イワンは、恐ろしく、肌が慄(ふる)えるのを感じた。そして、馬の方へ向き直り、鞭をあてて早くその近くから逃げ去ってしまおうとした。馳せだした男が——その男は色が白かった——どうなるか、彼は、それを振りかえって見るに堪えなかった。彼はつづけて馬に鞭をあてた。

どうして、あんなに易々(やすやす)と人間を殺し得るのだろう！ どうして、あの男が殺されなければならないのだろう！ そんなにまでしてロシア人と戦争をしなければならないのか！

彼は、一方では、色白の男がどうなったか、それが気にかかっていた。——やられたか、どうなったか……。でも殺される場面を目撃するのはたまらなかった。

暫らく馳せて、イワンは、もうどっちにか片がついただろうと思いながら、振りかえった。さきの男は、なお雪の上を馳せていた。雪は深かった。膝頭(ひざがしら)まで脚がずりこんでいた。それを無理やりに、両手であがきながら、足をかわしていた。

その男は、悲鳴をあげ、罵(ののし)った。

イワンは、それ以上見ていられなかった。やりきれないことだ。だが無情に殺してしまうだろう。彼は馬の方へむき直った。と、その時、後方で、豆がはぜるような発射の音がした。しかし、彼は、あとへ振りかえらなかった。それに堪えなかったのだ。

「日本人って奴は、まるで狂犬だ。馬鹿な奴だ！」

八

馭者達は、兵士がおりると、ゆるゆる後方へ引っかえした。皆な商人にだまされたこ

とを腹立てていた。ロシア人を殺させるために、日本人を運んできてやったのだ。そして彼等はロシア人だ！

「人をペてんにかけやがった！ 畜生！」

彼等は、暫らく行くと、急に速力を早めた。そして最大の速力で、銃弾の射程距離外に出てしまった。

そこで、つるすことを禁じられていた鈴をポケットから出して馬につけ、のんきに、快く櫓を駆った。

今までポケットで休んでいた鈴は、さわやかに、馬の背でリンリン鳴った。

馬は、鼻から蒸気を吐いた。そして、はてしない雪の曠野を、遠くへ走り去った。

殺し合いをしている兵士の群は、後方の地平線上に、次第に小さく、小さくうごめいていた。そして、ついには蟻のようになり、とうとう眼界から消えてしまった。

九

雪の曠野は、大洋のようにはてしがなかった。

山が雪に包まれて遠くに存在している。しかし、行っても行っても、その山は同じ大きさで、同じ位置に据(すわ)っていた。少しも近くはならないように見えた。人家もなかった。番人小屋もなかった。嘴(くちばし)の白い鳥もとんでいなかった。

そこを、コンパスとスクリューを失った難破船のように、大隊がふらついていた。

兵士達は、銃殺を恐れて自分の意見を引っこめてしまった。近松少佐は思うままにすべての部下を威嚇(いかく)した。兵卒は無い力まで搾って遮二無二(しゃにむに)にロシア人をめがけて突撃した。——ロシア人を殺しに行くか、自分が×××[＃岩波文庫版では「殺され」]るか、その二つしか彼等には道はないのだ！(けれども、そのため、彼等の疲労は、一層はげしくなったばかりだった。

大隊長は、兵卒を櫓にして乗る訳には行かなかった。彼は櫓が逃げてしまったのを

部下の不注意のせいに帰して、そこらあたりに居る者をどなりつけたり、軍刀で雪を叩いたりした。彼の長靴は雪に取られそうになった。吉原に錆びさせられて腹立てた拍車は、今は、歩く妨げになるばかりだった。

食うものはなくなった。水筒の水は凍(こ)ってしまった。

銃も、靴も、そして身体も重かった。兵士は、雪の上を倒れそうになりながら、あてもなく、ふらふら歩いた。彼等は自分の死を自覚した。恐らく櫓を持って助けに来る者はないだろう。

どうして、彼等は雪の上で死ななければならないか。どうして、ロシア人を殺しにこんな雪の曠野にまで乗り出して来なければならないかったか？ ロシア人を撃退したところで自分達には何等の利益もありはしないのだ。

彼等は、たまらなく憂鬱になった。彼等をシベリアへよこした者は、彼等がこういう風に雪の上で死ぬことを知りつつ見す見すよこしたのだ。炬(こ)たつに、ぬくぬくと寝そべって、いい雪だなあ、と云っているだろう。彼等が死んだことを聞いたところで、「あ、そうか。」と云うだけだ。そして、それっきりだ。

彼等は、とぼとぼ雪の上をふらついた。……でも、彼等は、まだ意識を失ってはいなかった。怒りも、憎悪も、反抗心も。

彼等の銃剣は、知らず知らず、彼等をシベリアへよこした者の手先になって、彼等を無謀に酷使した近松少佐の胸に向って、奔放に惨酷に集中して行った。

雪の曠野は、大洋のようにはてしなかった。

山が雪に包まれて遠くに存在している。しかし、行っても行っても、その山は同じ大きさで、同じ位置に据っていた。少しも近くはならないように見えた。人家もなかった。番人小屋もなかった。嘴の白い鳥もとんでいなかった。

そこを、空腹と、過労と、疲憊(ひはい)の極に達した彼等が、あてもなくふらついていた。靴は重く、寒気は腹の芯にまでしみ通って来た。……

(昭和二年九月)

